

ДЖОНАТАН Л.
ГОВАРД

ИОГАНН КАБАЛ
ДЕТЕКТИВ

Мастера магического реализма (АСТ)

Джонатан Говард

Иоганн Кабал, детектив

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Говард Д. Л.

Иоганн Кабал, детектив / Д. Л. Говард — «Издательство АСТ»,
2010 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-115736-4

Иоганн Кабал, ученый, скептик и некромант, снова в бегах, правда на этот раз его преследуют правительственные агенты. Под чужим именем он проникает на борт «Принцессы Гортензии», пассажирского дирижабля, направляющегося в другую страну. Кабал мечтает о спокойном путешествии без всяких происшествий, но вынужденная праздность и рутина дурно сказываются на его планах. Когда на борту погибает один из пассажиров и обстоятельства его смерти наводят на мысли об убийстве, Кабал решает заняться расследованием. Замкнутое пространство, ограниченный круг подозреваемых – прекрасная загадка для скучающего человека с выдающимся интеллектом. Вскоре на Кабала совершают покушение, а потом все окончательно выходит из-под контроля. Неизбежны массивные разрушения, не говоря уже о воскресших мертвецах.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-115736-4

© Говард Д. Л., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Глава ПЕРВАЯ	7
Глава ВТОРАЯ	17
Глава ТРЕТЬЯ	27
Глава ЧЕТВЕРТАЯ	39
Глава ПЯТАЯ	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джонатан Л. Говард Иоганн Кабал, детектив

Jonathan L. Howard

JOHANNES CABAL, THE DETECTIVE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

В оформлении использована иллюстрация *Сергея Неживясова*

Copyright © 2010 Jonathan L. Howard

© Надежда Алексеева, перевод, 2020

© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

«Иоганн Кабал, детектив» не просто стоит наравне с первой книгой цикла, но превосходит ее».

Fantasy Book Review

У этой книги нет ни одного провисания, каждая деталь работает, как часы. Просто невероятный роман.

SF Book Review

«Иоганн Кабал, детектив» – это настоящее удовольствие, во многом благодаря тому, как автор строит свою историю. Герои и ситуации необычны, повороты сюжета непредсказуемы. Говард работает со многими тропами классического детектива, – убийство в закрытой комнате, финальное собрание всех персонажей для выяснения убийцы – но каждый раз придает им иной ракурс, делая нечто совершенно новое.

Denver Post

* * *

Посвящается Луизе

*Грехи любые только говорят,
Но вопиет убийство. Омывают
Земли пространства водные стихии,
Но пролитая кровь стремится ввысь,
Росою окропляя небеса.*

Джон Уэбстер¹

¹ Перевод с англ. П. В. Мелковой

Глава ПЕРВАЯ

В которой поджидает смерть и завязывается интрига

В камере для приговоренных воняло кошками.

Здесь не водились крысы и тараканы, за что Иоганн Кабал – некромант, пользующийся дурной славой в определенных кругах, – был благодарен. Однако ради отсутствия вредителей приходилось терпеть целую армию кошек, что совершенно безнаказанно проникали внутрь и сновали по подземельям замка Харслаус. Откидные окошки для них были сделаны даже в дверях камер. Ни для кого не было секретом, что стражники придерживались куда более высокого мнения о животных, чем о заключенных. После того, как Кабалу устроили экскурсию по помещениям – она заключалась в том, что его спустили с лестницы и наорали на него, – у него не осталось сомнений, что любой вред, нанесенный усатым, вернется ему сторицей.

И вот теперь он – весь покрытый шерстью, оставленной бесчисленным числом поколений кошачьих, гордившихся своей шкурой, – сидел и ждал, когда у властей найдется минутка, чтобы его казнить. Наверное, все могло сложиться гораздо плачевнее, однако, как Кабал ни смотрел на ситуацию, он никак не понимал, куда уж хуже. Поэтому он принялся размышлять о том, как вообще попал в подобный переплет. Строго говоря, искусство некромантии заключалось в том, что вызывали души умерших и, задавая им вопросы, с их помощью предсказывали будущее. Кабал считал этот способ довольно убогим. У мертвецов было неплохо с историей, чуть хуже они разбирались в настоящем, а уж в том, что касается грядущего, оказывались вообще бесполезны. На то они и трупы. Но именно такое определение давали некромантии словари.

Однако с годами стало ясно, что прекрасные слова «некромантия», «некромант» и «некромантский» растрачиваются на бесполезные определения – тогда у лексической группы проснулась совесть, и она слегка сместилась в сторону более интересного обозначения. «Магия, связанная с мертвецами» звучало солидно. Вызывать призрак тетушки Матильды, чтобы узнать, какие цифры выпадут в лотерее на следующей неделе, было скучно – куда веселее, когда маньяк с козлиной бородкой выпускает на свободу армию скелетов. Прекрасный пример эволюции языка, который несомненно дарит радость. У Иоганна Кабала не было времени на всяких тетушек Матильд – ни в этом мире, ни в загробном. Новое определение некроманта ему прекрасно подходило – он занимался тем, что поднимал мертвецов (хотя был не по части воинов-скелетов – их он оставлял некромантам, склонным к театральщине). Прежде всего Иоганн Кабал считал себя ученым, который занимается поиском лекарства от ужасной болезни. Смерти. Занятие само по себе похвальное, если бы не применяемые методы, его манеры и провальные эксперименты, результаты которых потом шатались по округе, пугая деревенских. Но даже это можно было бы простить – фармацевтические компании творили что похуже, – если бы не дурная слава, которую некромантия получила благодаря всяким пафосным субъектам, ее практикующим. Никто не имеет ничего против воинов-скелетов, когда они преследуют Ясона и аргонатов на экране телевизора, но когда они ломятся к вам в двери... Это уже совсем другое дело. Кровавая кисть оставила следы на репутации всех некромантов, и Кабал, который желал лишь спокойно заниматься своими изысканиями, вдруг обнаружил, что его профессия вне закона, а практика карается вполне себе смертельным исходом. Подобное положение вещей не могло не раздражать. Особенно когда тебя ловили.

А произошло это вот как. Кабал пытался взять книгу в библиотеке Университета Кренца. Книга являлась частью «Особой коллекции», и он намеревался позаимствовать ее на продолжительный и не установленный четко период. Коль скоро он ожидал противодействия со стороны библиотекарей, то решил отправиться за книгой в половине второго ночи в праздничный

день и наверняка преуспел бы в своей затее, если бы не огромный мастиф, который патрулировал коридоры и о котором информаторы забыли предупредить. Когда библиотека вновь открылась, сотрудники обнаружили Кабала в читальном зале, а сверху на нем стоял чересчур дружелюбный стокилограммовый пес и заливал его слюнями. Чуть в стороне, вне досягаемости, стоял выдавший виды саквояж, в котором нашлись огромный револьвер, набор хирургических инструментов, блокнот, исписанный убористым почерком, обитый изнутри футляр с несколькими запечатанными пробирками, в которых плескалась мутная жидкость, и копия «Principia Necromantica, или Принципов некромантии» в формате ин-кварто².

Никто не хотел затянувшейся тяжбы. Никто вообще не был заинтересован в судебном разбирательстве, поэтому Иоганна Кабала просто проинформировали, что его ждет казнь, и отвезли в замок Харслаус. Произошло это почти месяц назад, и он уже начинал скучать. Он прекрасно понимал, что приговор будут приводить в исполнение так же «официально», как выносили, то есть где-нибудь на рассвете дверь в камеру распахнется, его оттащат в темный подвал, перережут глотку, а подергивающийся труп бросят в канаву. Но разве мог он с этим что-нибудь поделаться? А если нет, то зачем беспокоиться? Однако до сих пор ничего не происходило; его по-прежнему кормили, причем почти съедобной едой, а кошки поумнее давно усвоили, что стоит держаться подальше от его камеры. Так чего же они ждали? Кабала посещало смутное и неприятное чувство, будто где-то у кого-то есть на него планы.

А потом все случилось именно так, как он и предсказывал. В предрассветный час его разбудил звук распахнувшейся двери, и, прежде чем он собрался с мыслями, на голову ему натянули мешок и потащили по лабиринту коридоров. Он не пытался сопротивляться: его сопровождали по меньшей мере четверо, и даже самый мелкий среди них походил на мастодонта. Оставалось лишь сохранять спокойствие и ждать малейшей возможности сбежать, если такая представится; ну а в случае, если ничего не выйдет и ему придется умереть, то с момента его последнего визита в Ад, процедура допуска туда была рационализирована.

Какое-то время его то тащили, то несли, а затем швырнули на стул. Мешок сорвали с головы – в ярком свете Кабал заморгал, разглядев угрюмого толстяка, который точил опасную бритву о полоску кожи. Кабал уже отошел от шока и удивился тому, что для подобных тайных казней на постоянную основу наняли палача. Его хладнокровие слегка дало трещину, когда грубые руки сорвали с него вонючую одежду. Любые жалобы по поводу столь бесцеремонного отношения, которые он собирался озвучить, захлебнулись, когда его бросили в ванну с мыльной водой и принялись натирать губками. Он все еще сплевывал пузыри, когда его снова вытащили, усадили на стул и размазали пену по лицу, после чего толстяк – прожигая взглядом – схватил его за горло и провел бритвой.

Кабал тут же прекратил всякое сопротивление. Толстяк скосил глаза на пену и щетину, свисавшие с лезвия, и махнул бритвой – грязь слетела одним шлепком и приземлилась в углу с отчетливым хлопаящим звуком.

– Довольно тепло для этого времени года, не так ли, сэр? – проскрежетал он, взглянув на Кабала. Лезвие вновь взметнулось.

Спустя десять минут Кабал – чисто выбритый, отмытый и одетый в недавно отглаженный костюм – любовался собой в зеркале. Ростом он был чуть выше шести футов; правда, обычно предпочитал зачесывать свои светлые волосы назад, да и костюм, который ему вручили, оказался не черным, а темно-серым, но в целом он был доволен своей внешностью. Он выглядел вполне солидно и серьезно, а Иоганн Кабал был очень серьезным человеком.

– Неплохо, – сказал он, проводя ладонью по подбородку. – Отнюдь неплохо. Вы тюремный цирюльник?

² Книги большого размера, примерно 24x30 см, на одном листе располагалось по четыре страницы. Так печатались старинные книги. (Прим. пер.)

– Нет, сэ, – ответил мужчина, убирая бритву и ремень для заточки. – Я палач. Но неплохо иметь в запасе и другие навыки. Кстати, доброе утро.

Кабал глядел вслед уходящему палачу, испытывая довольно противоречивые чувства.

– Чувствуете себя человеком, герр Кабал?

Он обернулся посмотреть на вошедшего, и у него тут же закралось подозрение, что все это время он стоял там, в тени. Голос принадлежал человеку образованному. Кабал мысленно вздохнул – похоже, у всего происходящего имелась политическая подоплека, а политика и политики его неимоверно утомляли.

– Не больше, чем обычно, – ответил он. – Полагаю, отпускать меня никто не собирается?

– И неправильно полагаете, – заявил незнакомец и шагнул в круг света. Стройный мужчина под сорок, с усами, прекрасно смотрелся в форме капитана Имперских гусар – доломан, накинутый на плечи, под мышкой зажат кивер. Осанка и гордо висящий на шее орден говорили о том, что мужчина принадлежит «земельной аристократии». Он подошел к столу, на котором лежала старая одежда Кабала, смел ее на пол и присел на краешек. Вынув портсигар, он достал одну сигарету себе, а затем протянул футляр Кабалу.

– Курите, герр Кабал?

– Исключительно в антиобщественных целях, – ответил он, не проявив интереса к портсигару.

Гусар улыбнулся, убрал портсигар и зажег сигарету.

– Вам известно, кто я?

Кабал пожал плечами, ничего не выражая этим жестом.

– Я – граф Маршал из Императорской личной гвардии. Ну?

Кабал поднял палец, показывая, что хочет спросить о чем-то.

– Может, это я столь ярый поборник номенклатуры, но разве титул «император» не подразумевает существование империи? Не слышал, чтобы Миркарвии удалось урвать у своих соседей хотя бы дюйм земли, ну, если не вспоминать случая со сломанным угломером. Да и тот кусок вам позже пришлось вернуть.

– Думал, вы образованный человек, герр Кабал. Разве вы не слышали о Миркарвианской империи и династии Эрцихов? Вы меня разочаровали.

– Естественно, слышал. Но то история прошлых веков. Нельзя ссылаться на дела давно минувших дней так, словно они произошли вчера. – Он взглянул на графа и тут же поправился: – Хотя, пожалуй, вам можно. Я погорячился.

Граф повертел головой, будто разминал затекшую шею.

– Вы верите в то, что история может повториться? В то, что прошлое повторится вновь? Лично я верю. Другие имена, другие лица, но роли – те же. Люди будут вести войны с новым оружием, новыми тактиками, но цели не изменятся.

Кабал считал все это бредом, но понимал, что для третьесортного аристократишки из глуши, чей лавровый венец давно покрылся пылью, подобная теория звучала очень даже утешительно. Однако было бы крайне неудобно расстаться с жизнью, если вдруг разговор пойдет не так, поэтому он ответил:

– Я не историк. Так что не мне комментировать.

– Но вы не согласны со мной. Впрочем, это неважно.

По тому, как это было сказано, Кабал решил, что подобная ремарка часто слетала с губ графа, после чего люди, чье мнение считалось неважным, плыли по реке лицом вниз. Предприняв над собой усилие, он попытался вести себя дипломатично.

– Вы прекрасно осведомлены о том, чем я занимаюсь. Мне приходится смотреть на перспективу. Возможно, в том, что вы говорите, и есть доля истины. Проводя собственные исследования, я подмечал повторяющиеся в веках паттерны. Однако история не входит в сферу моих интересов. У меня никогда не возникало желания анализировать эти закономерности.

– Закономерности? Ну да. – Какое-то время граф размышлял. – Да, мне нравится это определение. Паттерны, формирующиеся во времени. Судьба как манифестация геометрии. Неоспоримая, словно число «пи». Да! – Глаза его замерцали странным блеском. Маршал улыбнулся и начал расхаживать взад-вперед, жадно затягиваясь сигаретой. – Да!

У Кабала зарождалось неприятное чувство касательно графа. Опыт подсказывал, что все военные аристократы делятся на два класса. Большинство шли в армию, потому что им нравилось носить форму: они ужасно относились к своим камердинерам, тратили целое состояние на воск для усов и делали все, дабы понравиться тому типу женщин, что завидуют лошадям кавалеристов. Однако незначительное меньшинство отправлялось служить, потому что у них имелись планы, стратегические планы. И лишь крохотная часть этого меньшинства обладала достаточным умом, чтобы претворить эти планы в жизнь. Что ни говори, граф Маршал, может, и был сумасшедшим, но вдовесок он был еще и умен. Поэтому Кабал, который обычно проявлял нетерпение по отношению ко всему остальному человечеству, дал Маршалу закончить свою мысль, или по крайней мере не прерывал его, пока у него оставались сигареты.

Граф выбросил окурок, придавив его каблуком начищенного сапога, и тут же, не успев еще искрошить первый бычок, вынул портсигар и достал следующую сигарету.

Кабал понял, что оказался во власти полоумного заядлого курильщика. Что за чудесный денек.

– У Миркарвии есть планы, герр Кабал. Великие планы. Миркарвианская империя не просто сноса на странице учебника истории. Мы – проект будущего.

Кабал вспомнил то небольшое, что ему было известно о произволах Миркарвианской империи, и подумал, что такое будущее придется по вкусу только самим миркарвианцам.

– Через десять дней император Антробус II произнесет речь с балкона дворца на площади Победы. Он сообщит людям, что прошло время, когда Миркарвия жила в тени своих соседей, и отныне мы не станем терпеть присутствие иностранных шпионов и агентов на нашей земле, что пришла пора вскарабкаться на вершину величия и подъем стоит начать прямо сейчас. В это время тайная полиция обрушится на известных нам шпионов и симпатизирующих им лиц. Мы положим конец их козням, что разрушают национальный дух, – патриоты начнут действовать совместно, чтобы... Я вас утомил?

Кабал закончил зевать.

– Прошу прощения. Мой сон прервали. В общем, вы собираетесь превратить свою страну в полицейское государство и искоренить всех диссидентов. Вы не первый и уж точно будете не последним.

– Вы не одобряете наших действий.

– Мне все равно. Люди – скот. Поступайте, как хотите, – это ваша страна. Я лишь гадаю, каким образом я фигурирую в ваших планах.

– А вы сосредоточены. Мне нравится. Уважаю людей, которые четко мыслят. Фракции несогласных отравляют умы. Необходимо действовать быстро, пока не стало слишком поздно.

– Революция.

– Восстание. Гражданская война. Естественно, именно этого и ждут наши враги. Я... мы не можем допустить, чтобы подобное произошло. Объявление императора задушит повстанческое движение в зародыше. Действия полиции не позволят ситуации повториться. А затем мы сможем двинуться дальше и продвигать наш судьбоносный манифест. Есть лишь одна загвоздка.

«А, так я и думал. Наконец-то мы дошли до сути вещей».

Граф Маршал какое-то время разглядывал потолок и слегка хмурился, пытаясь подобрать следующие слова. Наконец он сказал:

– Император мертв. Мертвое не бывает.

– И как давно? – бесцеремонно спросил Кабал.

Не было смысла прикидываться, когда стало совершенно очевидно, чего от него хотят.

– Три часа. Последнее время он неважно себя чувствовал. Мы подозревали худшее, но надеялись на лучшее. Однако, увы. – Губы графа дернулись в диком оскале. – Дряхлый глупый сукин сын. Ему нужно было всего-то продержаться, пока он не произнесет свою речь – потом мог бы подышать хоть на месте. Дело тут же превратилось бы в крестовый поход. «Мы должны выполнить последнюю волю покойного императора!» Да, вышло бы грандиозно. И. – он многозначительно взглянул на Кабала, – так оно и будет. Император произнесет речь. А затем умрет. Именно в таком порядке. От этого зависит будущее Миркравии. И ваше.

– А нельзя просто бросить клич «Император мертв, да здравствует император»? У вас что, нет запасного монарха на такой случай?

– Сыну императора всего восемь, и он не слишком смысленный. Его Императорское величество уронил малыша в раннем возрасте головой вниз, что сказывается. Придется объявлять регента...

– Им, без сомнения, станете вы?

– Естественно, но к тому времени, когда власть окажется в наших руках, мы по уши увязнем в крестьянском восстании. Сперва должна быть произнесена речь, как и планировалось.

Кабал оправил пиджак.

– Мне потребуется моя сумка со всем содержимым. Включая «Principia Necromantica».

– Книга, которую вы пытались украсть? Университетским корифеям это не понравится.

– А им и не должно это нравиться. Скажите, что они должны пойти на жертвы ради великой славы Миркравии. Ну а если им это придется не по вкусу, пообещайте, что тогда их навестит тайная полиция и во всех подробностях расскажет, что значит быть патриотом.

Граф криво ухмыльнулся:

– Вам стоило пойти в политики.

– Я проигнорирую это заявление. Еще мне понадобится лаборатория, причем немедленно.

– Конечно. Ассистенты?

– Я работаю один. Если вы настаиваете на том, чтобы приставить ко мне шпиона, который будет докладывать обо всех моих действиях, пусть тогда он тихонько сидит в углу и не мешается. Я сделаю так, чтобы ваш император сошел за вполне живого человека, а вы вернете мне мою свободу. По рукам?

– Практически. Боюсь, есть один предмет, который я не могу вам вернуть. Я про ваш револьвер – по очевидным причинам. Зачем вы вообще носите с собой такую пушку? У нее пули в диаметре больше полутора сантиметров.

Кабал пожал плечами.

– Пистолет – орудие убийства. А в этом деле важна не аккуратность, а гарантированная точность.

– Людей убивают не пушки. Людей убивают люди.

– Но оружие значительно упрощает дело. Так что, мы договорились?

У них все было готово для Кабала. Его тайком вывели из тюрьмы и по жутко запутанному секретному маршруту доставили в Имперский дворец. Огромная ванная комната, по размеру превосходившая иные бальные залы, что ему доводилось видеть, была отмыта, продезинфицирована и заполнена хирургическими столами и оборудованием. Очевидно, его казнь откладывалась, потому что император мог умереть в очень неподходящий момент. Это раздражало: Кабал не любил быть пешкой в чьей-то игре.

Покойный Антробус II лежал голый на спине на операционном столе, а рядом стояла тележка с инструментами. Возле нее покоился саквояж Кабала. Подойдя к столу, Кабал понял, что на подносе разложили его собственные инструменты – они были стерилизованы и готовы

к работе. Ради интереса он раскрыл сумку и обнаружил, что Маршал свое слово сдержал – все, включая «Principia Necromantica», оказалось на месте, кроме револьвера.

Кабал бросил взгляд на мертвеца. Судя по всему, Антробус не был приверженцем диет и спорта. Одна нога явно страдала от подагры, а живот трепыхался словно незастывшее бланманже. Кабал быстро оценил примерный вес трупа, подсчитал имеющиеся в наличии пробирки с реагентом и решил, что этого недостаточно.

Маршал сидел на мраморном парапете рядом с водонагревателем и постукивал сигаретой по серебряному портсигару. Кабал поднял палец в предупредительном жесте.

– Курите в другом месте. Тут имеется морозильник для мяса?

Граф с тоской посмотрел на сигарету и убрал ее обратно.

– Да.

– Превосходно. – Кабал набрал немного жидкости из одного фиала в пятимиллиметровый шприц и ввел ее в холодную, неподвижную сонную артерию императора.

– Препарат запустит каталитическую реакцию в сердечно-сосудистой системе монарха, тем самым замедлив процесс разложения. Остальное довершит морозильник. – Кабал вытащил блокнот и быстро что-то записал. – Пока император находится на охлаждении, я синтезирую необходимые реагенты. Мне потребуются следующие компоненты. – Он направился к графу, на ходу вырывая листок, и вложил его в ладонь Маршалу. Тот прочел список. – Время не ждет, граф.

Граф постучал по бумажке.

– Два фунта только что вырезанных гипофизов. Не уверен, что имперские бакалейщики торгуют чем-то подобным. Непросто будет собрать все необходимое.

– Это, – Кабал двинулся обратно к императору, – не моя проблема. Если вы хотите, чтобы сия масса жира голубых кровей произнесла речь в назначенный срок, вы добудете все, что я прошу.

Кабал повесил пиджак на барашковую гайку операционного светильника и принялся закатывать рукава:

– И сделаете это как можно скорее.

Несколько мгновений казалось, будто граф собирается что-то сказать. Затем он передумал, выпрямился.

– Я прослежу, чтобы вам доставили все. – он снова взглянул на список и скривил губы, – ...компоненты.

Маршал вышел из комнаты, его сапоги громко цокали – резкие звуки отражались от выложенных плиткой стен.

В коридоре он щелкнул пальцами – в мгновение ока подле него вырос адъютант. Граф передал ему список.

– Добудьте все ингредиенты как можно скорее и отдайте Кабалу.

Адъютант, принадлежавший к наиболее многочисленной прослойке солдат-аристократов и даже имевший улей – все во имя славы своих усов, – беззвучно зашевелил губами, читая список.

– Сэр, а что такое эти гипофизы? Для несведущего.

– Гипофиз находится в мозгу у человека, никто его добровольно не отдаст. Прочешите морги. Но помните – гипофизы нужны нам свежими!

– Судя по всему, они не очень большие. Потребуется не один и не два источника, чтобы набрать этих негодников на пару фунтов. Что если в моргах мы не найдем столько, сколько нужно?

Граф пристально посмотрел на адъютанта.

– Тогда отыщите доноров, – сказал он с намеком, который понял даже лейтенант Карштец.

– Есть! – ответил тот и промаршировал к выходу, цокая каблуками сапог, которые выглядели куда более блестящими, чем он сам. У дверей лейтенант остановился и повернулся. – И еще, сэр. Когда наш приятель некромант выполнит, что от него требуется, и оживит старину Антробуса, чтобы тот выступил с речью, вы по-прежнему хотите, чтобы я его того?

Граф ненадолго задумался.

– Нет, небольшие изменения в плане. Когда Кабал закончит – вне зависимости от того, преуспеет он или нет, – я не хочу, чтобы вы его убивали. – Рука графа легла на эфес сабли. – Я сам это сделаю.

По всему городу в заключениях меняли причины смерти, чтобы оправдать изъятие мозга. Внезапно оказывалось, что мужчины, которых нашли с кинжалом в спине, умерли от инсульта. Особо принципиальные сотрудники морга сочли уместным пожаловаться.

– Что за ерунда! – рявкнул на лейтенанта Каршетца районный следователь, когда они стояли у стола со свежим трупом молодого человека. – Я категорически запрещаю вскрывать череп этого мужчины, когда совершенно очевидно, что причина смерти – ранение мечом в грудь! Возможно, ему и стоило проверить голову до того, как он ввязался в дуэль, но сейчас уже слишком поздно.

– Нет, уверяю вас, сэр, – сказал Каршец. – Этот мужчина умер от апоплексического удара, вызванного паталогическими изменениями. – он вытащил смятый листок бумаги из ташки и прочел: – ...шишковидной железы. – Он снова убрал листок. – Она, знаете ли, находится в мозгу.

– Да в курсе я, где она находится! Я не понимаю, каким образом ранение мечом связано с... Аааах!

В этот момент лейтенант Каршец потерял терпение, вытащил меч и проткнул следователя. Затем вытер лезвие о подвернувшуюся простыню и спрятал клинок в ножны.

– Видите? – спросил он помощника следователя, который хорошенько струхнул и стал серого цвета. – Ранение мечом в грудь, а умер он от чего?

– Паталогического изменения... шишковидной железы? – рискнул предположить помощник следователя.

– Отлично! Так и знал, что вы сможете занять место теперь, когда этот. – лейтенант сделал неявный жест в сторону мертвого следователя, – герр Бедняга откинул копыта. В общем, будьте человеком и извлеките орган, послуживший причиной смерти. Засуньте в банку, когда закончите, за ней зайдет маленький человечек. Мне пора – в городе настоящая эпидемия. Счастливого оставаться!

Кабал работал медленно, но уверенно. Он практически не спал, ел мало и едва ли разговаривал, разве что требовал очередной реагент или прибор. О каждом его шаге докладывали графу Маршалу – о каждой капле из пипетки, обо всех наблюдаемых процессах; в короткие промежутки, пока некромант спал, его записи выкрадывали, копировали и возвращали на место. Граф изучал их, но ничего не мог разобрать – он счел их каким-то персональным шифром и передал в отдел криптографии Имперской службы разведки. Чуть менее загадочным – по крайней мере для проницательного взора графа – оказалось требование доставить пятьдесят футов недавно сбритой кошачьей шерсти. Тюремщики замка Харслаус еще долго будут ходить все перебинтованные. А мешок с плодами их трудов нетронутый стоял в углу. Граф прекрасно понимал, когда речь шла о мелкой мести, и приветствовал ее: подобное поведение говорило о том, что Кабал куда более человечен, чем пытается казаться, и что где-то внутри, пусть и глубоко запрятанное, в нем живет чувство юмора, хотя и жестокое. Человек познается по поступкам, а граф предпочитал знать, с кем имеет дело.

Приближался день торжественной речи, и Кабал наконец послал за останками покойного императора. Его уложили оттаивать в круг из ламп, изготовленных в соответствии с требова-

ниями Кабала – смесь масел, на которых они работали, привела в замешательство небольшую армию химиков, собранных Маршалом. Кабал распорядился аккуратно уложить Антробуса на холодный белый пол, затем расставил по кругу пять ламп отражающей стороной внутрь, так, что каждая оказалась на вершине правильного пятигранника. Между собой лампы соединяли светящиеся трубки, которые заполнял газ, в теории не дававший свечения. Газовая смесь стоила одному из мастеров-изготовителей рассудка. Сейчас он находился в обитой мягким материалом клетке и кричал об инфрафиолете и углах времени. Маршал намеренно не стал читать технический отчет и приказал разрушить все оборудование Кабала, как только оно будет использовано по назначению.

Лампы и трубки светили ровно двадцать три часа, после чего резко погасли. Все это время Кабал сидел в позе лотоса, находясь в легком трансе, и бормотал себе под нос что-то вроде мантры.

– Уж не знаю, мошенник он или действительно специалист, – заметил Карштец накануне вечером, – но чем бы он там ни занимался, он жутко хорош в своем деле. Еще «Бычьей крови»³?

Как только погас свет, глаза Кабала закатились, и он метнулся внутрь пятиугольника из трубок. Он вытащил из кармана шприц, набрал в него светящейся жидкости из бутылочки и принялся колоть труп в определенных местах – в виски, основание шеи, в солнечное сплетение. К несчастью, в помещении не оказалось никого, кроме Маршала, когда Кабалу понадобилось повернуть тушу императора, чтобы добраться до менее привлекательных мест.

– Что вы делаете? – спросил граф, чтобы отвлечься на разговор и не думать о том, где именно сейчас находятся его руки.

Кабал ничего не ответил – он вводил пятьдесят миллилитров жидкости, точно разместив конец большой стальной иглы, которая входила в тело с некоторым сопротивлением под треск разрывающихся хрящей.

– Вам известно, что такое ка?

– Нет.

– Ки?

– Нет.

– Чакра?

– А, это такой круглый ножик с какого-то субконтинента. В умелых руках – страшное оружие, – с энтузиазмом ответил Маршал.

Кабал умолк на полсекунды, затем продолжил:

– И все?

– Да.

– Тогда я не могу объяснить вам, что делаю. Возвращайтесь, когда выучите что-то не только про смерть, но и про жизнь.

Граф Маршал посмотрел на Кабала, бледнея от гнева. Кабал спокойно уставился на него в ответ, отметив для себя, как легко спровоцировать Маршала, а еще разглядев у него на щеке шрам, который, судя по всему, становился виден, только когда граф злился.

– Сражаетесь на дуэлях, граф?

Граф взял себя в руки.

– Сражался в университетские годы. Вы про шрам? Да.

Кабал, похоже, потерял всяческий интерес. Он перешел к ногам трупа и воткнул иголку под коленную чашечку правой ноги.

– Можете уже положить. Разве что вы привязались к этому месту.

³ Egri Bikavér (в переводе с венгерского – «Эгерская бычья кровь») – купажное вино, производимое в Венгрии.

Граф пропустил мимо ушей последний комментарий, поднялся и отправился к раковине мыть руки.

– Вы действительно считаете себя этакой непристойной пародией на доктора? Думаете, будто спасаете жизни на благо человечеству даже после того, как они были утрачены?.

– «Непристойная пародия»? – повторил Кабал, не выказав злобы. – Не уверен, что именно так я называл свою будущую профессию, когда определялся с выбором. Что же до человечества, любое благо, которое я творю для него, совершенно случайно.

– Тогда ради чего? Бессмертие? Возможно, вам стоило податься в вампиры.

Кабал замер и одарил графа по-настоящему ледяным взглядом.

– Возможно и так, – наконец выдал он.

– Раньше на этих землях их водилось очень много, – непринужденно продолжил граф, совершенно не заметив, как на него посмотрел Кабал. – Набивались в старинные разваливающиеся замки под самые крыши. Столько носферату, что кольев не напасешься. Но все изменилось. Им пришлось уйти. Они не хотели платить налоги.

– Прошу прощения?

– Они решили, что раз уж им удалось увернуться от неизбежной смерти, то и от налогов получится увильнуть, – фыркнул граф. – Они ошиблись.

Кабал на мгновение представил себе судебных приставов, до зубов вооруженных копьями, чесноком и судебными предписаниями. Он встал и вышел из пентаграммы.

– Готово.

– Что? – граф не верил своим ушам. – И все? Так просто?

– Он жив. Точнее, он в состоянии вполне правдоподобно изобразить живого. Мне нужно поспать. Затем мне потребуется текст речи, которую он должен произнести.

– Зачем?

– Затем, – рявкнул Кабал: усталость давала о себе знать, – что он представляет собой ходячие потроха. Сам он не сможет прочесть речь – придется вдалбливать в него, как в попугая.

Граф подошел и взглянул на императора. Не было сомнений, что тот дышит. Маршал покачал головой – он ведь так до конца и не верил, что все эти фокусы-покусы сработают.

– Выглядит он не очень.

– Он мертв. С чего ему пылать здоровьем? Перед тем как он выступит, я вколю ему один препарат, и он станет больше похож на главу государства, а не на кусок мяса. А сейчас, – Кабал вздохнул и слегка ссутулился, – я очень устал. Продолжим завтра.

Он уже шагнул к выходу.

Граф стоял на месте. План воскресить императора был лишь отчаянным запасным шагом. Трудно было признать, что в итоге он, похоже, сработает.

– Вы не должны поставить ему, ну не знаю, капельницу с физраствором? Или с глюкозой?

– Его организм выполняет лишь базовую дыхательную функцию. Думаю, того, что есть, хватит на несколько часов, – сказал Кабал, не оборачиваясь. Затем вышел.

Граф Маршал остался один на один с воскрешенным императором и своими грандиозными планами.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ: УРОВЕНЬ 5 ЭКЗАМЕН ПО ИСТОРИИ

РАЗДЕЛ 4: ВТОРОЙ ГАЛЛАЦИАНСКИЙ КОНФЛИКТ

Прочтите приведенное ниже описание Второго Галлацианского конфликта и его последствий и ответьте на вопросы. Оценка за задания раздела составляет десять процентов от общей оценки за экзамен. Продемонстрируйте все свои знания.

Примерно четыреста лет назад государство Миркарвия в Восточной Европе вторглось на территории соседних стран – Сенцы и Полоруса. Завоевание сопровождалось жестокими казнями, которые продолжились и после установления миркарвианского господства; применение суровых мер объяснялось необходимостью подавить движение повстанцев. В последующие десятилетия действия миркарвианцев переросли в притиснение местного населения и репрессии. Наконец, после того, как на юго-западе Сенцы обнаружили крупные залежи золота, и экономика страны испытала подъем, правительство Сенцы милитаризовало пограничную с Миркарвией зону. Миркарвианский император Дульцис III послушал совета своих воинственных генералов и кабинетных стратегов и объявил войну. Именно этого и ждали сенцианцы; заключив союз с соседними Руританией и Граушитарком, Сенца и Полорус выдворили миркарвианскую армию, давно нуждавшуюся в модернизации, и вернули свои земли.

Полорус предложил занять столицу Миркарвии – город Крени, – намекая на то, что надо стереть Миркарвию с лица земли. Однако Сенца не желала контролировать территорию, на которой проживали этнические миркарвианцы. В итоге казну Миркарвии опустошили, значительную часть предметов искусства и прочего имущества, которое поддавалось транспортировке, вывезли, а вместо репараций были введены громадные торговые льготы.

После подобного унижения Миркарвия смогла восстановить финансовую мощь лишь спустя несколько поколений, но национальной гордости оказался нанесен непоправимый ущерб. Времена Миркарвианской империи считаются в стране золотым веком, а все ужасные преступления Второго Галлацианского конфликта были вычеркнуты из учебников истории. С политической точки зрения, последствия крушения империи до сих пор ощущаются в том, как Миркарвия ведет дела со своими соседями. Ее единственный союзник в регионе – Катамения, расположенная на задворках Северной Европы. Государства не имеют общей границы; любое сообщение проходит по гористому переиешку, принадлежащему Сенце и тянущемуся на запад от основной территории. На переиешке действует строгий таможенный контроль. Альтернативный маршрут проходит по Галлакскому морю, к которому Катамения, однако, не имеет выхода, следовательно, он также требует пересекать территории Сенцы или Полоруса.

(А) В каком году Миркарвия вторглась на территорию Сенцы?

(Б) 1) В ретроспективе в чем заключалась самая серьезная ошибка Дульциса III?

2) Не в ретроспективе?

(В) Выскажите вашу точку зрения относительно двух из трех следующих пунктов:

1) Миркарвианцы повели себя как настоящие ублюдки.

2) Полорусцы повели себя как настоящие ублюдки.

3) Все страны ведут себя как настоящие ублюдки.

(Г) Напишите политический трактат объемом не более 250 000 слов или 500 страниц, в зависимости от того, что окажется меньше, на тему того, как стабилизировать отношения между странами региона. Запрещается использовать военные формирования численностью выше бригады, а также божественное вмешательство. Вы можете включить диаграммы.

Глава ВТОРАЯ

В которой выступают с речью и происходит ссора

– Я хотел бы получить назад свою одежду, – начал Кабал. – И трость.

Он установил на голове лежащего императора необычную конструкцию из маленького ромбовидного зеркала, смонтированного на каркасе. Кабал вращал зеркало кончиком пальца, – отражающийся свет мелькал и падал императору на глаза. Зрачки все никак не регистрировали на это мельтешение, но вот наконец веки дрогнули, и император сфокусировал взгляд на зеркале.

Граф Маршал наблюдал за происходящим, скрестив на груди руки.

– Ваша трость? – Он вспомнил, что видел среди вещей Кабала элегантную палку из черного дерева с уродливым серебряным навершием в виде черепа; сияние его гладкой поверхности резко контрастировало с тусклыми пятнами глазниц и провалов между зубами.

– Памятная вещь? – спросил граф с сарказмом.

– Если честно, то да. – Кабал забрал у него листы с речью императора. – Я забил ей свой первый неудавшийся эксперимент обратно до смерти. Спасибо.

Он вернулся и продолжил подключать зеркало к маленькому электромотору.

– Добудьте то, что он просит, – велел граф лейтенанту Карштецу. А затем добавил уже тише: – Нам недолго осталось его терпеть.

– Вот и хорошо, – прошептал Карштец. – Люди начинают волноваться. Нам почти постоянно приходится разгонять небольшие демонстрации.

– Через несколько часов император произнесет свою величайшую – и последнюю – речь. Тогда все изменится. – Маршал кивнул в сторону Кабала. – Полезный трюк – заставить мертвеца выйти на публику, когда нужно. Что там с записями Кабала? Есть какой-то прогресс?

– Я мало что понял, – признался Карштец. Впрочем, для него даже самостоятельно надеть мундир было делом чрезвычайно мудрым. – наших спецов-шифровальщиков впечатлило, что Кабал все это держит в голове. Они сказали что-то про меняющийся ключ, но после этого я выключился из разговора.

– Что за «меняющийся ключ»?

– Это тоже прошло мимо меня. Простите.

– Если им удастся взломать шифр, это будет уже неважно. А все, кто умрет в ближайшее время, могут спокойно покидать этот мир – я их благославляю.

Кабал, скрестив ноги в неправильную позу лотоса, сел рядом с императором и пролистал речь.

– Ваших рук дело, граф?

– Если честно, то да. Я сам написал текст. А что?

– Ничего, – ответил Кабал, держа бумаги кончиками пальцев. – Очень... вдохновляюще... для толпы.

– Все лучшие речи именно такие, – заметил Маршал, чувствуя, что с ним не согласны. – Задача в том, чтобы внушить пролетариату немного здорового экспансионизма, а не огорошить их философским дискурсом.

– Ну, о последнем можно не беспокоиться. – Кабал подался вперед и щелкнул по зеркалу. Под действием мотора оно быстро вращалось. Взгляд покойного императора сфокусировался, Кабал нагнулся к нему и принялся экспрессивно шептать: «Народ Миркарвии. Друзья. Сегодня я хочу поделиться с вами своим видением будущего. Будущего не только нашей великой и благородной державы, но и наших соседей...»

Маршал подал быстрый знак Карштецу, и мужчины, крадучись, вышли из комнаты – топот сапог и клацанье шпор эхом разнеслись по зале. Когда они скрылись, Кабал остановился. Он посмотрел на императора, затем на дверь, за которой исчезли офицеры. А после улыбнулся, но улыбка эта никак не отразилась в его взгляде.

– Парча, Ваше императорское величество, ваша любимая!

Так печально, когда кто-то оказывается воплощением стереотипа до мельчайших деталей. Прецофа – императорского портного, или даже скорее костюмера – подняли бы на смех, реши он поставить пьесу по мотивам своей жизни. Критики на всех углах трубили бы, что персонаж – сплошь застарелые клише. Автор что, живет в прошлом? Да любой уважающий себя театр решился бы на подобную постановку только сделав из нее фарс, ведь где еще придворный портной вырядится в платье с оборками и залижет назад волосы а-ля маркиза де Помпадур? Жалкий, жеманный, изнеженный... ну и так далее и тому подобное. Все это было про Прецофа. Он жил один, если не считать толстой кошки по кличке Фелиция. У него имелась изрядно зачитанная копия «Замка Отранто», в которой он подчеркнул любимые отрывки зелеными чернилами. Прецоф также владел внушительной коллекцией вышитых антимакассаров⁴, которые украшали все кресла в доме и которые он ежедневно менял вне зависимости от того, сидел кто-нибудь на них или нет. Для него не существовало ничего важнее создания прекрасной одежды для Его Императорского Величества – и часа не проходило, чтобы Прецоф не следовал своей музе. Ткани он использовал наивысшего качества, привлекал к работе только самых превосходных мастеров, но вот дизайн был отвратительным. Потому как Прецоф мог быть преданным своему делу, трудолюбивым и прилежным, но не обладал и граммом таланта. Даже Кабал, чей художественный взгляд уже давно атрофировался, с трудом находился рядом с изысканным платьем, в котором император собирался выступить с речью. Пока Прецоф сутился и облачал необычайно тихого императора в новый наряд, Кабал достал из кармана солнцезащитные очки с синими стеклами, протер их маленькой замшевой тряпочкой, которую всегда держал под рукой, и надел. Стало гораздо лучше.

Прецоф наградил его мрачным взглядом. Кабалу вернули его черный костюм – подданный, вычищенный и отутюженный. В новой белой рубашке, галстук и ботинках он снова чувствовал себя самим собой. На коленях лежала трость. Карштец был шокирован, когда услышал от Кабала слова благодарности за то, что ему вернули одежду, причем звучали они так, словно некромант действительно испытывал признательность. Но Прецоф видел лишь невзрачный консервативный наряд. Конечно, черный всегда в моде, но он годится разве что... для плаща? Да, для плаща! У Кабала широкий шаг – развевающийся плащ придал бы ему шарма. Это же очевидно. Затем, чтобы убедиться, что он еще не окончательно утратил навыки, Прецоф мысленно добавил к этому образу розовато-лиловые галоши и высокую феску с пером. Кабала нельзя было назвать тщеславным, но он не позволял себе терять достоинства, поэтому, если бы сейчас увидел картинку, что нарисовал мозг Прецофа, то непременно задумался бы об убийстве.

– Ваше Императорское Величество сегодня очень неразговорчивы, – сказал портной. – И слегка бледны, если мне позволено отметить. С Вами все в порядке?

Антробус посмотрел на Прецофа сверху вниз – его глаза походили на черные провалы, ведущие в пустоту, где некогда жила душа. Его губы медленно зашевелились, выговаривая: «Люди Маркарвии... Миркарвии...». Прецоф считал себя человеком проницательным, чем очень гордился. Впрочем, он так же гордился и своим талантом художника, одинаково заблуж-

⁴ Салфетки различных размеров и форм, бумажные и тканевые; кладутся на подлокотники и подголовники мягких диванов и кресел.

даясь и в том, и в другом. Он улыбнулся мертвецу и сообщил, что по городу гуляет мягкая форма гриппа и, наверное, вся проблема именно в этом.

Кабалу уже наскучило ждать. Ему оставалось ввести последнюю инъекцию перед самым выходом императорской оболочки на публику – укол немного оживит мраморно-серую плоть. А после – что ж, поживем – увидим. Граф Маршал был кадровым офицером, неугомонным политиком и амбициозным аристократом – каждое из этих качеств само по себе не обещало ничего хорошего. Для Кабала чудом казалось то, что граф сочетал в себе их все и при этом до сих пор не треснул по швам, учитывая лживость и безжалостность, которыми тот был набит и которые так и сочились из него. Кабал ненадолго задумался, как выглядит начинка из лживости и безжалостности, и представил маковые семечки, но тут его характер дал о себе знать и положил конец подобным фривольным размышлениям. Если он хотел остаться в живых, стоило сосредоточиться.

Вошел лейтенант Карштец, топнул и отдал честь, потому как ему нравилось так делать.

– Граф Маршал требует вашего присутствия на императорском балконе, герр Кабал. Ах да, и захватите с собой труп.

– Труп? – Прецоф в ужасе выступил из-за массивной фигуры Антробуса – он чистил его мантию со спины. Портной взглянул на бледного монарха: стало слышно, как заскрежетали шестеренки в мозгах, когда до него наконец дошло. Он охнул и отступил назад.

– Ой, – Карштец сдулся. – Слушай, портной, вот ведь ситуёвина вырисовывается. Дело-то это очень секретное. Граф пустит мои кишки на подвязки, если узнает, что я проболтался. – Он подошел к Кабалу. – Будь умницей и отведи Его Императорскую Трупность на балкон. – Лейтенант беззлобно посмотрел на Прецофа и вытащил саблю. – А я пока тут приберусь.

Кабал взял императора под локоть и повел к дверям, затем дальше в коридор. Когда он оглянулся, чтобы закрыть створки, то увидел, как Карштец надвигается на перепуганного Прецофа. Кабал ненавидел убивать без причины, но, если подумать, Прецофа он тоже ненавидел. Тем не менее, он счел необходимым как минимум выказать свое неодобрение:

– Вы не можете просто убивать людей, чтобы скрыть свои ошибки. Такими темпами вам придется вырезать половину страны.

Карштец замер.

– Конечно, вы правы, – ответил он, явно не уловив скрытого смысла. – Все верно подметили. Я буду более осторожным. – Он повернулся к Прецофу и занес клинок. – С завтрашнего дня.

Кабал поджал губы и затворил за собой дверь. Они прошли где-то полкоридора, когда из комнаты донесся пронзительный крик.

– Милая у вас страна, – обратился он к Антробусу II. – Прекрасное местечко. По главе государства усыпальница плачет, а военные через одного психопаты и продукты кровосмешения. – Они двинулись дальше. – Право, чем-то похоже на Римскую империю.

Маршал давил потухшую сигарету в переполненной пепельнице, когда вошел Кабал.

– Где вы были? – он ткнул пальцем через плечо на часы из золоченной бронзы. – Вы на время смотрели? Он готов? Бог ты мой! Да вы только взгляните на него.

Кабал извлек шприц и воткнул в шею Антробусу. Императора это, похоже, несколько не побеспокоило. Спустя несколько секунд кожа вокруг отметины от укола стала приобретать здоровый оттенок, распространявшийся дальше – из бледного трупа император превращался в пышущего здоровьем мужчину. Моргнули мертвые глаза, волосы встали дыбом. Лейтенант Карштец вошел как раз в тот момент, когда уже во всю шли метаморфозы.

– Знаете, я бы не отказался от такого препарата после тяжелой ночи.

– Я оставлю вам формулу, – пообещал Кабал, прекрасно зная, что для живых этот состав ядовит.

– Он помнит речь? – спросил Маршал.

- Каждое слово, – уверил Кабал. – Можете положиться на него – свою роль он сыграет.
- Превосходно.

Граф Маршал подошел к портъере, что отделяла залу от балкона. День для выступления выдался отличный. Погода стояла прекрасная – небо ясное, слегка прохладно, но не морозит. Был объявлен праздничный день, так что настрой царил благодушный. Люди бесцельно бродили, поедали сосиски, хлестали пиво и хлопали друг друга по спинам, при этом громко гогоча. С позиции Маршала ситуация выглядела определенно лучше по сравнению с тем, что было, когда горожане носились с горящими факелами, поджигали правительственные учреждения и вешали сборщиков налогов. Какое-то время он наблюдал за толпой, и от едва заметной усмешки усы его подергивались.

На другой стороне площади соборные часы пробили час, и люди притихли.

- Пора, – сказал граф исключительно напоказ. – И надейтесь, что все получится, Кабал.
- Свою работу я выполнил точно, – отвечал тот, провожая императора на балкон. – Беспокойтесь бы лучше о качестве вашей речи.

Занавес отдернули, Кабал прошептал на ухо Антробусу команду, и мертвец шагнул навстречу своему звездному часу. Кабал скрылся в тени, а Маршал и остальные высокопоставленные лица выстроились в линию позади императора. Граф подал Карштецу знак.

- Следите за Кабалом, – прошептал он.
- Не поздноато ли ему что-то предпринимать, старина?
- Поздноато? – Маршал посмотрел на Карштеца с легким недоумением, как будто только сейчас сообразил, что разговаривает с шимпанзе в форме кавалериста. – Просто следите за ним.

Граф встал в ряд с остальными.

Карштец вернулся в комнату и присел на краешек стола, неосознанно приняв ту же позу, что и граф Маршал, когда впервые предстал перед Кабалом. Но если Маршал внимательно наблюдал за некромантом, Карштец лишь дружелюбно улыбался, без особого интереса оглядывал помещение и напевал некрасивую мелодию для тубы. Кабал удобно устроился в старинном кресле с высокой спинкой.

Когда Антробус II, император Миркарвии, вышел к толпе, повисла гробовая тишина. По городу ходила молва о смерти монарха: несмотря на угрозы Маршала и энтузиазм Карштеца, слухи лились из дворца как из простреленного картечью ведра. Люди предвкушали старую-добрую революцию. И вот откуда ни возьмись взялся Антробус и спутал им все карты. Тем не менее, его все равно приветствовали радостными возгласами. Пиво и сосиски раздавали бесплатно, так что горожане не хотели выглядеть неблагодарными. Выслушают его, так и быть, а революцию устроят на следующей неделе, когда пройдет достаточно времени. Может они, конечно, и угнетенные, но манеры им привили.

Антробус подошел к балконным перилам и замер. Он молчал, и молчание затягивалось, выходя за рамки приличий и благоразумия. Высокопоставленные лица позади императора нервно переглядывались. Толпа неуверенно зашелестела. Выражение лица Маршала ничуть не изменилось, но он удостоверился, что капитан гвардии внизу на площади увидел его сигнал стрелять по людям в случае необходимости. После придется действовать, и действовать быстро. Однако, чтобы пустить пулю в надменное лицо Кабала и размазать его заумный мозг по стенам, много времени не потребуется. Граф собирался сделать это в любом случае, но будет куда приятнее приправить расправу щепоткой мести. Однако тут император поднял руку, и толпа мгновенно смолкла, так что Маршалу пришлось забыть о блеклых удовольствиях грубого применения силы.

- Народ Миркарвии, – приятный баритон тут же разнесся по всей площади. – Друзья. – Антробус говорил с такой искренностью, что простолоюдины, которые давно уже называли его не иначе как «жирная задница», «обрюзгшая морда», «раковая опухоль на спине честного про-

летариата» и прочими нелестными именами, внезапно ощутили незнакомое, но довольно приятное покалывающее чувство восхищения по отношению к своему императору. Они ловили каждое его слово. – Сегодня я хочу поделиться с вами своим видением будущего. Будущего не только нашей великой и благородной державы, но и наших соседей.

Речь оказалась мощной, и люди романтического и патриотического склада прониклись. Карштец был именно таков, более того, туп до кончиков сапог. Он поднялся со стола и медленно подошел к колыхающемуся занавесу, словно его манила песнь сирены. Остановился и стал зачарованно слушать. Кабал наблюдал за ним, как ученый за жуком на могильном камне. Через несколько секунд стало ясно, что Карштец о нем начисто забыл. Тихонько Кабал поднялся с кресла, взял сумку и трость и, ступая исключительно по толстому ковру, направился к двери.

В это время на балконе Маршал мысленно ликовал. Все получилось куда изящнее, чем в самых радужных его мечтах. Толпа пожирала слова императора с куда более ненасытным аппетитом, чем прежде уничтожала тонны дармовых сосисок. Можно было воспользоваться слухами о смерти императора и представить все так, чтобы люди думали, будто у императора хрупкое здоровье. Тем не менее, он героически поднялся со смертного одра, дабы предстать перед своими подданными и произнести речь – свой последний и величайший дар народу, свое видение будущего. Это будет не подлая вшивая кампания по захвату соседних земель. Это будет настоящий крестовый поход.

– Спорные территории принадлежат нам, – вещал император. – Исторически они наши. Они наши по праву. И мы их вернем!

В коллективном сознании толпы соседи из торговых партнеров и союзников внезапно превратились в горстку цыган-воришек, которых было необходимо стереть с лица земли.

Маршал улыбнулся и посмотрел на стоящих рядом с ним генералов, маршалов, адмиралов воздушного флота и коммодоров крохотного флота в Галлакском море. Все они зачарованно и восторженно слушали монарха. В воздухе вполне ощутимо пахло войной.

Тут граф заметил Карштеца, стоящего возле портьера, – все внимание лейтенанта было приковано совершенно не к тому объекту. Кабал испарился. Маршал похолодел. Так значит Кабалу удалось бежать? Граф вспомнил мешок кошачьей шерсти и странное чувство юмора Кабала, его ненависть к войне в целом и к планам Маршала в частности, и его подозрения усилились.

Он попытался привлечь внимание лейтенанта так, чтобы этого не заметила толпа, но тот никак не реагировал. Не чувствовал на себе пристального взгляда, не видел, как Маршал резко мотает головой, не слышал щелчков пальцами. Его слух целиком и полностью был обращен на императора.

– Не заблуждайтесь, – продолжал Антробус, – все эти якобы друзья обманчивы как погода, они строят козни за нашими спинами, они – наши враги! – Толпа ликовала. – Наши смертельные враги! – Горожане жаждали крови. – Наша добыча! – Люди на площади взревели во всю глотку, издав клич ярости. Но крик стал тише, когда толпа запоздало осознала, что сказал император.

Маршал полностью переключил свое внимание с Карштеца на Антробуса. Добыча? Он такого не писал.

– Мы откроем на них охоту! Убьем их! Съедем! – страстно вопил Антробус. – Они мясо для нас! Мы зубами сорвем плоть с их костей и сожрем их!

Маршал с ужасом осознал, что на губах монарха пузырится темная слюна и стекает по подбородку. Люди на площади подозрительно косились на сосиски в своих руках.

– Ach, du lieber Gott⁵, – прошептал он. Затем рявкнул Карштецу: – Лейтенант! Держите его!

– Что? – Каршец обернулся, словно вынырнул из транс. – Что? Кого?

– Императора, дубина! Заведи его внутрь, пока еще не слишком поздно!

– Мозги! – вопил император. – Если мы съедем их мозги, то получим их силу, их души. Мозги! – его голос звучал уже не так мощно и постепенно превращался в невнятное бормотание имбецила. – Человеческие мозги... нужно съесть... мозги...

– Ну же, приятель, – Карштец вырос подле императора. – Давай-ка пойдем внутрь, к твоему гробику. Организуем чудесные публичные похороны. Получится здорово, правда же?

– Мозги, – бормотал Антробус, не обращая на Карштеца внимания. Темная слюна капала на платье. – Должен съесть... мозги...

Наконец, он заметил лейтенанта и решил слегка перекусить.

Толпа ахнула когда Его Императорское Величество набросилось на удивленного офицера. Люди зажимали рты ладонями, самые впечатлительные попадали в обморок. Карштец может и закричал до того, как Антробус размозжил ему череп о мраморное ограждение балкона, бросил тело на пол и приступил к трапезе, но его вопли растворились в общем гомоне.

Граф соображал быстро. Ему требовалась какая-нибудь хитрость, срочно. Придется воспользоваться французским гамбитом.

– Нас предали! – крикнул он и подал знак капитану гвардейцев.

Сперва прозвучали отдельные выстрелы, но постепенно частота возростала – винтовки палили по толпе все более дисциплинировано. Маршал жестом скомандовал дать три залпа и побежал внутрь. В дальнем конце комнаты распахнулась дверь и ворвалась охрана.

– Затащите это чудовище сюда, – вопил Маршал.

– Императора? – спросил возглавлявший стражников сержант.

– Императора? Это не наш император! Нас предали! Затащите сюда это существо и убейте!

Он оставил их бороться с отвратительным созданием, которое визжало и ухало в ответ. Пока что ситуацию еще можно было взять под контроль. Массовые убийства на площади они спишут на вражеских агентов. Внезапная паника, вызванная поведением императора, придаст последним событиям ореол мистики и неопределенности. Неужели на их глазах император действительно превратился в жуткого каннибала? Конечно же нет. На него напал... напал... предатель! Карштец набросился на императора. Борьба не на жизнь, а на смерть – героическими усилиями императору удалось уничтожить убийцу, правда, ценой собственной жизни. Да. Да! Это может сработать!

Жалко, правда, Карштеца. Он должен был Маршалу денег.

Граф мчался по коридорам дворца, не обращая внимания на то, куда его несут ноги, – он даже не знал, что именно ищет. Он распахнул двустворчатые двери и оказался в большом банкетном зале. Трапезная стилем походила на средневековую: по центру стоял длинный стол, от парадной лестницы у северной стены по всему периметру шел балкон – хоры. В дальнем конце безуспешно пытался открыть двери Иоганн Кабал.

Маршал горько усмехнулся, затворил за собой дверь и вытащил из кобуры револьвер. Так вот за чем гналось его подсознание – оно охотилось на этого человека. Временами графа накрывало чувство глубокого удовлетворения от своей работы.

Кабал повернулся на звук. Он вытащил карманные часы и внимательно посмотрел на циферблат.

– Что, кулинарные предпочтения императора уже изменились? – спросил он вежливо. – Испытательная партия двести девяносто пять всегда была ненадежной.

⁵ Бог ты ж мой. (пер. с нем.)

– Вы знали, что это случится? – граф Маршал слегка расслабился. Происходящее за пределами обеденной залы подождет. Он мог сделать небольшую паузу, взвесить все, убить Кабала.

– Двести девяносто пятая дает потрясающий результат. Вплоть до сегодняшнего дня все подопытные превращались в маниакальных каннибалов. Хотя я рассчитывал на несколько дополнительных минут. Есть жертвы?

– Лейтенант Карштец.

– Значит, никаких потерь.

– Совершенно никаких. – Маршал вытащил пистолет. – Что мне с вами делать, герр Кабал?

– Похоже, вы уже определились. – Иоганн Кабал устроил саквояж и трость на краю длинного обеденного стола, снял и свернул пиджак, положив к остальным предметам. Затем расстегнул манжеты и закатал рукава.

Маршал с любопытством наблюдал за ним.

– А вы приняли новость очень даже спокойно.

– Отнюдь, – отвечал Кабал. Он поднял трость, повернул набалдашник и извлек острый, словно бритва, клинок длиной в три фута. На глазах у изумленного Маршала некромант опустил трость поверх пиджака и отсалютовал графу шпагой.

Маршал засмеялся.

– Вы это серьезно, Кабал? Вызываете меня на дуэль?

– Я очень уважаю традицию, согласно которой должен ударить вас перчаткой по лицу, но боюсь, вы застрелите меня прежде, чем я подойду. – Кабал внимательно изучил свою стойку и слегка поправил расположение стоп. – Прошу прощения, я давно не практиковался.

– Не дурите, Кабал, и не держите меня за дурака. Зачем мне тратить на вас время? – он поднял пистолет. – Вы не заслуживаете шанса.

Кабал описал кончиком шпаги круг.

– Секста. Кварта. Септима. Октава⁶. Дело не в шансах, граф. По крайней мере, не с вашей позиции. Вы мелкий жалкий человечек. Вы можете меня застрелить. И велика вероятность, что вы именно так и поступите. А затем плюнете на мой труп и уйдете. Ну а через неделю-другую ситуация за этими стенами ухудшится настолько, что контроль за гражданами, на которых вы не сумели произвести впечатление, будет занимать все ваше время. Вы проклянете меня и еще десять раз пожелаете мне смерти. Но, по правде, граф, вы меня не убьете и единожды. И это будет невыносимо глодать вас.

– Так теперь вы знаток человеческой природы? – Граф взвел курок. – Вы умрете, и произойдет это от моей руки. Не заблуждайтесь.

– Нет, граф. Не вы меня убьете. Это сделают несколько грамм свинца – вы же будете стоять на другой стороне огромной залы в абсолютной безопасности, исполненный самодовольства. Меня убьет пистолет. Увы, вы этого удовольствия не получите. Вы солдат, граф, тут сомневаться не приходится. Я также считал вас воином. Но ошибся. Боевые искусства значат для вас не больше, чем для призванного служить крестьянина, которому сунули пистолет в руку.

– Вам не удастся спровоцировать меня, Кабал. Я уже вышел из того возраста.

– Солдафон и пьяница.

– Потерять чувство собственного достоинства в последние секунды жизни – какой позор.

– Артиллерист.

Лицо Маршала напряглось от гнева.

– Как вы меня только что назвали?

⁶ Речь о различных типах сабельной защиты.

– Артиллеристом. Отсиживаетесь за линией фронта. Там, где безопасно. – Кабал опустил клинок и указал на пистолет. – Стрелок.

Маршál прекрасно понимал, что лишать себя огромного преимущества ради незначительного – самый настоящий идиотизм. Сумасбродство. Но есть оскорбления, которые кавалерист снести не может. Маршál уже видел, как на лице Кабала возникает выражение смертельного испуга и удивления, когда сердце его пронзает сабля. Больше всего на свете он жаждал почувствовать, как клинок царапает о ребра, пока граф проворачивает его в груди ненавистного некроманта. Эта мысль будет греть его в тяжелые времена, которые маячили на горизонте. Гнев всецело завладел им, превратившись в холодную решительную ярость. Точными движениями он открыл барабан и вытащил патроны. Ударяясь об пол, они резко подскакивали, оглашая эхом зал. Затем граф отшвырнул пистолет и рванул саблю из ножен.

– Что это у тебя там, Кабал? Лист фольги? Рапира? Игрушечный меч? Вот оружие настоящего мужчины. – Его клинок описал в воздухе восьмерку. Граф ударил кулаком по бедру и пошел в наступление. – En garde. К бою.

Шпага Кабала взмыла в четвертую позицию.

– Всегда готов, Маршál. – Он наблюдал за тем, как граф приближается. – Уверены, что готовы к дуэли? В молодости я почти год фехтовал. И довольно сносно.

– Только вот не надо этого покровительственного тона, Кабал.

– Я просто прикидываю, какого мастерства может достигнуть человек, рубя безоружное мужичье прямо с лошади.

Маршál остановился за миг до того, как клинки скрестились.

– Это вам не женская сабелька, изготовленная итальянцами. Настоящее оружие, которое действительно убивает, и я с радостью порублю вас на куски, Кабал.

Кабал не успел ответить – Маршál атаковал, и ему пришлось отступить под яростным натиском противника. Маршál обладал недюжинной мощью – он был куда сильнее Кабала: от града ударов, обрушившихся на рапиру, летели искры. Вибрация отдавалась в запястье, которое такими темпами скоро должно было онеметь. Если он проживет столько времени.

Кабал прикидывал свои возможности. Маршál не был спортсменом, он сражался насмерть, намереваясь быстро расправиться с Кабалом. Тяжелой кавалерийской сабле это было вполне под силу. К счастью, шпага Кабала создавалась для реального боя и была не такой уж хрупкой. Однако у него уже почти не оставалось места для отступления. Чтобы остановить ужасный град стальных ударов, ему нужно было, чтобы Маршál задумался. Слабенький ложный выпад, затем быстрый шаг назад, чтобы получить пространство для контратаки и перестроиться, – в итоге Кабал сумел оцарапать Маршáлу запястье. Застав противника врасплох, он обежал вокруг стола, увеличив дистанцию между собой и противником.

Граф за ним не последовал – он остановился, поддернул манжет и проверил запястье.

– Первая кровь, граф Маршál? – крикнул Кабал, вновь занимая оборонительную позицию.

– Туше, герр Кабал. Царапина, – отвечал тот, и Кабал видел, что граф не преуменьшает. – Я вас недооценил в очередной раз. – Он отсалютовал, и кривая ухмылка исчезла с его лица. – Но теперь я знаю, каков вы в деле.

– Правда? Расскажите мне, граф, где вы учились фехтовать? На заочных курсах?

Маршál ничего не ответил, но вновь принялся наступать, лицо его потемнело, словно грозное облако. На этот раз он не стал полагаться на одну лишь физическую силу, как во время первой атаки. Кабал подозревал, что дело тут вовсе не в том, что граф не восстановил силы. Он не сомневался, что если Маршál сочтет подобную тактику выгодной, то снова ее применит.

Какое-то время они поочередно наступали и парировали – граф определенно искал слабые места в защите Кабала. И хотя Кабал не показывал этого, но каждый раз, когда сталь ударялась о сталь, ему становилось все более не по себе. Сабля была мощнее его шпаги, мастерство

графа оказалось выше, а его злость блекла в сравнении с агрессией Маршала. Кабал защищался, граф получал всю необходимую информацию, чтобы провести решительную атаку, к тому же в любой момент в залу могла войти стража. Нужно было действовать, действовать быстро, и умение уворачиваться тут мало чем могло помочь. Требовалось взглянуть на картину в целом и найти выход. Однако пока что он его не видел, а Маршал снова перешел в наступление, и времени думать о чем-то еще не оставалось.

Все закончилось рубящим ударом, который Кабал с трудом парировал, хотя сделал вид, что далось это ему легко – в фехтовании половина дуэли строилась на психологической игре.

Иоганну не раз приходилось смотреть в лицо смерти, но он всегда вел себя осторожно, так что у него оставались шансы выжить. Однако сейчас надежда на спасение таяла.

– Выглядите обеспокоенным, герр Кабал, – сказал Маршал. – Что вас тревожит?

– Раз уж вы спросили, скажу – есть одна вещь. Меня никак не покидает мысль, что происходящее – просто ужасная трата ресурсов. Я ценю, что вы собирались меня убить, вне зависимости от того, преуспел бы я или нет, но это политика. Просто подумайте! Никто, кроме вас, не знает обо мне. Не разумнее было бы предоставить мне лабораторию, чтобы я работал на вас? Уверен, я мог бы оказаться полезен.

Маршал даже не пытался скрыть презрительной усмешки.

– Да вы как-никак умоляете о пощаде, Кабал?

– Вообще нет. Просто пытаюсь найти конструктивный выход. Представьте, что я убью вас. – Граф надменно рассмеялся. – И все же представьте. В таком случае страна развалится на части. Никому не под силу занять ваше место. Задумайтесь.

На мгновение граф погрузился в размышления. Кончики их клинков все еще соприкасались.

– Я подумал. Вы забыли о двух важных деталях. Во-первых, я не собираюсь проигрывать эту дуэль. Во-вторых, я жажду вашей смерти. Сейчас.

Кабал прикинул:

– Думаю, я могу начать умолять вас о пощаде, если, конечно, вы не будете настаивать на полнейшем унижении.

Клинок Маршала ответил за него. Кабал попытался уйти, но граф атаковал стрелой⁷, преодолев разделяющее их расстояние, поэтому пришлось уворачиваться, дабы не лишиться головы, и тут же проводить пассато сото⁸ – прием, среди знающих людей известный как «нырок».

События развивались совсем не в его пользу. У Кабала сложилось впечатление, что Маршал начал участвовать в дуэлях еще студентом, в духе прусских рапиристов. Те устраивали странные состязания, главной целью которых было оставить на лице соперника как можно больше шрамов, поскольку это производило колоссальное впечатление на дам. Помимо того, что участники надевали броню, которая сводила все повреждения к минимуму, особой чертой этих схваток являлось то, что дуэлянты никогда не сходили с места. Неожиданные и так не кстати проявившиеся способности Маршала к боевому балету – выпадом стрелой он преодолел по меньшей мере футов десять – были еще одной проблемой, с которой Кабал сейчас очень не хотел разбираться.

Только когда Маршал заявил: «Туше, герр Кабал» – и злобно улыбнулся, он понял, что тоже получил ранение. Рубашка на левой стороне груди была порвана, клинок прошел сквозь ткань, оцарапал грудь, вышел под мышкой и скользнул по плечу. На белом хлопке расплылось огромное кровавое пятно.

⁷ Стрела (бросок или «флеш») – прием нападения, выполняемый бегом или прыжком из боевой стойки с приземлением на отставленную назад ногу.

⁸ Пассато сото, инкуартата (итал. Passato sotto, Inquartata) – хрестоматийный прием в фехтовании, при котором происходит атака в темп с отшагом или подшагом под вооруженную руку противника.

Кабал прямо взглянул на Маршала.

– Вы ведь не примете мое предложение, Маршал. Тогда позвольте я сообщу вам одну вещь, которую вы знать не можете. Я не позволю вам убить меня. На кону куда больше, чем вы в своем маленьком ограниченном мире можете себе представить. У меня нет времени на ваши идиотские игры.

Страх покинул его. Исчезли сомнения, что затуманивали разум – мир сложился в красивую четкую картинку того, что ему предстояло сделать, и как это проверить. Осталась одна единственная причина, что мотивировала его и разжигала внутри жаркий костер. Его душа, его бедная измученная душа, заботилась о нем и направляла его. Маршал вдруг превратился из центральной фигуры в довольно жалкого человечка с глупыми усами, считавшего, что его детские планы по захвату нескольких бесполезных квадратных метров на карте имеют значение.

– Я уйду отсюда. И если вы попытаетесь меня остановить, я вас убью. Это ясно?

Возможно, в тот момент мнение Маршала о Кабале изменилось, но явно не в лучшую сторону.

– Ты, наглая шавка! – заорал он и бросился в ужасающую атаку, кульминацией которой стала мельница, способная свалить и носорога. В следующий миг они оказались вплотную друг к другу. Маршал обозвал его низкородным ублюдком и сильно ударил тыльной стороной руки, так что Кабала закрутило, и он упал на стол.

Граф приблизился, держа высоко занесенную саблю как мясницкий топор. Лезвие гильотиной просвистело рядом, – Кабал едва успел увернуться, перекатившись влево. Пока Маршал выдергивал клинок из попорченной столешницы, Кабал вскочил на стол, и, коль скоро они импровизировали, а нынешнее положение давало ему существенное преимущество в росте, пнул графа в лицо и сломал ему нос.

Маршал отшатнулся, пришел в себя и, отбежав к дальнему краю стола, запрыгнул сперва на стул и далее на стол. Оба в крови, они, замерев, стояли на противоположных концах: выражение лица Кабала было ледяным и безучастным, Маршал скалил зубы.

Теперь они знали друг друга. Больше никаких разговоров. Маршал отсалютовал, на этот раз закончив свой жест тем, что резко рассек воздух, оставив почти видимый разрез. Кабал отсалютовал в ответ, и в его исполнении движение получилось точным и отрывистым, словно стаккато. Кончик шпаги двигался по четкой траектории, запястье выворачивалось под правильным углом.

Началась дуэль.

Глава ТРЕТЬЯ

В которой звучат оскорбления и герой пускается в бега

– Конечно, на мое имя имеется бронь. Сделана правительством. Вот мое удостоверение.

Герхард Майсснер занимал невысокую должность на Миркарвианской госслужбе и, как это зачастую случается, был чрезвычайно высокого мнения о значимости своей персоны. В его папке с документами надежно хранился невероятно важный доклад «Материалы для обсуждения по вопросу передачи сельскохозяйственных угодий (Третий проект)», и страшно представить, что случится, если он не прибудет в Катамению строго по расписанию. Без последней версии документа цивилизация ни за что не сможет решить вопрос о передаче сельскохозяйственных угодий. Последствия будут... катастрофическими. Поэтому Майсснеру выдали все необходимые бумаги, чтобы в аэропорту имени императора Бонифация VIII он не стоял в очереди на таможню с обыкновенными людишками, а прошел ее первым и получил билет. Изучив его, Майсснер к своему удовольствию обнаружил, что ему полагается каюта на борту «Принцессы Гортензии» – новехонького аэросудна Миркарвианской гражданской авиации «Миркаэро».

– Повезло вам, сэр, – заметила девушка за стойкой. – «Гортензию» только неделю назад включили во флот – это ее первый полет.

Майсснер фыркнул. При чем тут везение? Он гражданский служащий, и именно так и полагается обходиться с винтиком в государственном механизме. Однако вместо того, чтобы озвучить эту мысль, он спросил:

– Почему здесь собралось столько народу? Как будто сегодня день гонок.

– В городе беспорядки, сэр. Паника. Нормальная человеческая реакция.

Мужчина в дорогом костюме, но при этом потный и всклокоченный, оттолкнул Майсснера, который тут же злобно на него посмотрел.

– Прошу, скажите, что у вас еще есть свободные каюты! Любые.

– Прошу прощения, сэр. Все места на «Принцессе Гортензии» были забронированы заранее.

– Что? – потный мужчина увидел билет в руке у Майсснера. – Пожалуйста, сэр, продайте мне свой билет. Моя дочь... в городе бунт. Я просто хочу, чтобы она оказалась в безопасности...

– Продать вам мой билет? – рявкнул Майсснер. – Да вы в своем ли уме, сэр? Этот билет – собственность государства, и даже если бы я был в праве им распоряжаться, с чего бы мне...

Но у мужчины нашлись дела более важные, чем выслушивать, насколько Майсснер – важная персона, и он сбежал. Майсснер же вытянулся во весь рост – почти один метр восемьдесят пять сантиметров – и изобразил благородную мину, которую простым смертным не удалось бы повторить без помощи лимонного сока и жженных квасцов. Женщина за стойкой решила, что сочла бы его привлекательным, если бы характер столь явно не проявлялся на его лице. Майсснер заметил, что она его разглядывает, и женщина улыбнулась ему – вежливо, но безучастно.

– Когда отправляется судно? – спросил Майсснер требовательно.

– Через два часа, сэр. Если сдадите сейчас багаж, у вас будет время, чтобы отдохнуть на борту до взлета.

– Отдохнуть? – фыркнул он. – Да я буду работать!

Подчеркнув таким образом превосходство над стадом, Майсснер зашагал прочь.

Он направился в грузовой ангар – просторное помещение, разделенное на небольшие отсеки с замками на воротах, – чтобы сдать свой багаж. На обратном пути к нему привязался серьезного вида мужчина, одетый в черное и белое.

– Простите, сэра. Могу я с вами переговорить?

– Если вы желаете перекупить мой билет, сударь, должен...

Мужчина огляделся, придвинулся ближе и продолжил:

– Вопрос госбезопасности, сэра. Дело безотлагательное. На кону процветание Миркарвии.

Майсснер моргнул, сглотнул. «Я не потерял те бумаги, – заверил он себя. – Просто положил не в ту папку. Рано или поздно они найдутся». Он намеревался заняться поиском сразу по возвращении. Не такие уж и важные документы. По крайней мере, ему они важными не показались. Может, кто-то другой считал иначе, но они ведь не станут из-за этого посылать за ним службу безопасности. Или станут?

– У... у вас имеется удостоверение? – пролепетал он, чтобы потянуть время.

Мужчина мрачно улыбнулся.

– Сэр, я работаю на разведку. Мы обычно не носим с собой сопроводительные документы. Однако у меня есть вот это. – Мужчина повернул кольцо на пальце печаткой наружу и продемонстрировал Майсснеру крест.

– Крест графа Маршала! – ахнул Майсснер, мгновенно узнав символ, который не раз видел на смертных приговорах.

– Он самый, сэра. Не могли бы вы говорить потише?

– Да... да, конечно. Простите, простите меня.

– Я правильно понимаю, что вы государственный служащий, сэра? Я слышал ваш разговор у стойки отправлений.

– Да. Герхард Майсснер – каталогизатор первого класса, Отдел координации административной работы. Я преданный гражданин!

– Вот именно, сэра. Поэтому мне необходима ваша помощь. Каталогизатор первого класса, говорите? Превосходно. Мне как раз нужен человек вашего калибра. Здесь, в аэропорту, назревает определенная... ситуация, которая меня очень тревожит. К тому времени, когда придут мои коллеги, может оказаться уже слишком поздно. Одним словом, герр Майсснер, мне нужна ваша помощь.

– Конечно! Конечно! Я в вашем распоряжении. Чем могу помочь?

– Пройдемте сюда. – Тайный агент направил Майсснера в пустой незапертый отсек. – Вот в это помещение.

Майсснер заморгал, привыкая к полумраку.

– И что теперь?

– Будьте так любезны, передайте мне свои документы, – агент протянул руку.

– Я... эмм... умм... да, почему нет. – Майсснер передал ему аккуратной стопочкой паспорт, визу и прочие бумаги.

Мужчина быстро перебрал их.

– Еще мне понадобится ваш билет.

– Мой билет? Но зачем?

– Чтобы я мог выбраться из страны, естественно, – заявил Иоганн Кабал.

– Что? – Майсснер вскинул голову. – Но... вы же от графа Маршала, разве нет?

– Прямиком от него, – ответил Кабал. – И позаимствовал у него еще и это. – Кабал вытащил пистолет графа и направил его на Майсснера. – Итак, время поджидает. Ваш билет, герр Майсснер.

Позже в зале отправлений, наводненном людьми, что спасались бегством от творившихся (если верить слухам) в Кренце резни и бунта, Кабал изучал документы Майсснера. Они оба были худыми блондинами примерно одного роста. Фотография оказалась не слишком хорошая. Вот если бы Майсснер попытался изобразить из себя человека, а не госслужащего, возникли бы проблемы. А так Кабалу оставалось только поджать губы и делать вид, что любой, с кем он говорит, – навозная лепешка на ножках. Он попрактиковался в новой роли перед

маленькими детьми и, убедившись, что любой малыш младше пяти лет начинает реветь, едва его завидя, расслабился и успокоился.

Незадачливый Майсснер остался в закутке ангара, связанный и с кляпом во рту. Кабал надеялся, что, когда его отыщут, «Принцесса Гортензия» будет уже далеко. Последние несколько месяцев его беспокоили странные приступы, которые, как впоследствии выяснилось, оказались уколами совести. Сие нежелательное качество мешало абсолютно логичным поступкам, которые прежде Кабал совершал с завидной регулярностью. Однако на этот раз совесть, видимо, учла род занятий герра Майсснера и сидела себе тихонько, как мышка, пока Кабал запихивал ему в рот грязную тряпку и связывал, ни капельки не заботясь о его комфорте. Даже у совести есть пределы. Он, впрочем, ненадолго засомневался, когда вводил Майсснеру модификацию антиразлагателя, которую использовал на императоре. В четырех из семи случаев она вызывала состояние глубокой комы на неделю. В оставшихся трех еще до истечения срока пациент оказывался мертв, как санскрит. Кабал рисковал, но если план не сработает, то мертвецом станет уже он. Так что он готов был пойти на такой шаг.

От пистолета, увы, пришлось избавиться. Кабал сомневался, что сотрудники таможи распознают в трости оружие, да и не особо беспокоился по этому поводу – Миркарвия есть Миркарвия. Свой выкидной нож он обнаружил на дне саквояжа, где тот преспокойно лежал себе, и переложил его в чехол с хирургическими инструментами, чтобы избежать вопросов. А вот револьвер с прикладом, инкрустированным гербом Маршала, мог вызвать подозрения. Кабал не сумел бы легко объяснить, откуда тот взялся, поэтому даже и не думал пытаться – так пистолет оказался на дне метровой бочки с отработанными маслами. В нем все равно оставался всего один патрон.

Кабал поднялся и отправился к стойке, чтобы уточнить информацию о рейсе, а также удостовериться, что его миркарвианский акцент звучит убедительно. Он взял за основу аристократический протяжный выговор Маршала и попытался добиться впечатления, будто он третий сын мелкопоместного дворянина, которого сплывили на госслужбу после того, как старшие братья получили хорошие хлебные должности.

Женщина за стойкой проверила его билет. Ей приходилось иметь дело с герром Майсснером чуть раньше, но она уже вытеснила детали той встречи из памяти настолько, что приняла одного высокого надменного блондина за другого. Кроме того, ее несколько не смутил акцент, что успокоило Кабала.

– Полет до Сенцы занимает два дня, сэр. Там предусмотрена приятная остановка на вечер. В Катамению вы прибудете на следующий день в полдень. К сожалению, не могу дать вам более точных данных: метеорологическое бюро обещает сильный встречный ветер.

– Сенца, говорите? – Кабал покопался в памяти и, кажется, припомнил отвратительный скандал на границе, произошедший несколько лет назад.

– Там вполне безопасно, сэр. Политика разрядки продолжает действовать.

«Так ли?» – подумал Кабал. Он вспомнил о контроле экспорта между Миркарвией и ее союзниками в Катамению. Он сомневался, что причиной посадки в Сенце является «приятная остановка на вечер». Скорее уж, местные власти намеревались провести тщательный обыск на предмет любой военной помощи, которую могли провозить через их территорию. До этого ему дела не было, но вот если он окажется в руках секретной полиции Катамению, та, к гадалке не ходи, тут же переправит его обратно своим друзьям из Кренца... А в Сенце он мог затеряться, тайком пересечь нейтральную границу и, образно говоря, вернуться домой к чаю. Отлично. Наконец-то появился хоть какой-то просвет.

Кабал поблагодарил женщину вежливо, но холодно, и двинулся было дальше, но, сделав шаг, замер и спросил:

– Могу ли я подняться на борт «Гортензии»? Зал отправлений меня утомляет, я бы предпочел расположиться в своей каюте.

Она посмотрела на часы, сверилась с табло отправлений и мило кивнула. Кабал, забывшись, едва не улыбнулся в ответ, но в последний момент успел принять насупившееся выражение, отражавшее его чрезвычайную важность, резко кивнул и направился к взлетной полосе. Чем дальше он окажется от собравшихся здесь полицейских, тем счастливее будет.

Лейтенант Хассо заменил Карштеца и уже демонстрировал ту же харизму, что и его предшественник.

– Так этот парень, Кабал, вас побил? А теперь он на свободе? Верно?

– Он меня не побил, – проскрежетал Маршал угрожающим тоном, которого Хассо в своей беззаботности не распознал. Граф Маршал растирал запястья, возвращая им чувствительность. Кусок сонетки, которым они были связаны, теперь валялся на полу.

– Вы ведь лучший фехтовальщик во всей Миркарвии, не так ли? – уточнил Хассо, желая прояснить ситуацию.

– Да забудьте вы уже о фехтовании. Кабал смухлевал.

– А-а-а-а.

Маршал бросил на него исполненный ярости взгляд.

– Что значит это ваше «А-а-а-а»?

– Ну, вы знаете, – Хассо пожал плечами. Но было ясно, что граф не знает. – «А-а-а-а». Как «Ого!». Думаю, так.

– «Ого»?

– Полагаю, да.

– Полагайте. – Маршал решил, что сейчас найдутся дела, куда более важные, чем убийство нового адъютанта. – Есть новости о Кабале?

– Вы о том парне, что побил вас? – Хассо наконец заметил, как на него смотрит граф, и поспешно добавил: – Или лучше сказать, который не побил вас? – Он заговорщицки подмигнул. – А-а-а-а. Ого!

– Так есть или нет? – снова спросил граф.

– Нет. Никто его не видел. Как только он одолел... как только он закончил здесь, он испарился. Он вроде как маг, да? Крибли-крабли, волшебные палочки и так далее и тому подобное. И еще кролики. Верно?

– Идиот! Он – некромант, а не детский фокусник. Он способен раствориться в воздухе не больше, чем ты. Хотя мне жаль, что ты не можешь. Все порты под наблюдением? Границы? Перевалы в горах?

– Идет восстание, старина. Наши ребята крайне заняты тем, что пытаются сокрушить пролетариат. Но страшиться нечего – мы отправили приказания. Он где-нибудь да объявится.

– Командировка или отдых? – спросил человек на таможне.

– Отдых, – ответил Кабал. – Ибо я отдыхаю душой, когда передаю документы государственной важности коллегам из Катамени.

Офицер тупо уставился на него, и Кабал решил, что едва ли найдет в таможеннике равного по интеллекту.

– Шутка, всего лишь шутка. Я еду по делам правительства.

– Да? И какого рода дела?

– Сельскохозяйственная политика. Не имею права разглашать.

– Очень своевременно, замечу я, сэр, с вашего позволения. – Офицер в четвертый раз перебрал украденные документы. Кабал не беспокоился: он явно их не читал. – Вокруг творятся беспорядки. А вы по счастливой случайности покидаете страну. Ну очень благоприятное совпадение.

– Да, – вежливо ответил Кабал. Офицер, конечно же, намекал на то, что только трус покидает родную страну в столь трудный час, и он с радостью подыграл. Все, что угодно, лишь бы позлить служащего. – И не говорите. Да еще и на борту «Принцессы Гортензии», столь прекрасного нового судна. Ну не везунчик ли я?

– Еще какой. Вам просто невероятно повезло. – Офицер, похоже, полагал, что получит приз за эту словесную игру, если поддержит ее как можно дольше.

– Подметили как нельзя точно. Итак, вы закончили с моей ручной кладью?

Офицер пошевелил усами и заглянул в саквояж Кабала.

– Что это? – спросил он, обнаружив чехол с хирургическими инструментами.

Кабал развязал узел и раскатал чехол. Выкидной нож в одном из кармашков смотрелся так, словно ему там было самое место.

– Хирургические инструменты. Временами мне приходится обследовать больных животных.

– Так вы ветеринар? – таможенник вдруг проявил интерес.

– В некотором...

– А попугаев вы лечите?

– Не по собственной инициативе.

– Что означают чешуйки и выпадающие перья?

Кабал задумался:

– Это что – какая-то загадка?

– Огромные чешуйки, как... как... перхоть.

– Вы меня проверяете?

– Нет, что вы. – Офицер замотал головой. – У Лиз чесотка.

– А Лиз – ваша попугайка?

– Мне казалось, я упомянул об этом. По крайней мере, дал понять.

– Разумеется. Но у меня лицензия только на препарирование коров и овец, – соврал Кабал, проявляя особую изобретательность, что казалось излишним и даже несправедливым, учитывая через что ему пришлось пройти. – Боюсь, мне ничего неизвестно о... – он попытался выглядеть специалистом, – об экзотических животных.

Таможенник посмотрел на него с неодобрением.

– Что ж, очень жаль. Благодарю вас, герр Майсснер. Простите, что побеспокоил.

– Ничего страшного. Мы все трудимся на благо государства, как умеем, верно?

– Конечно. На благо государства. Приятной вам поездки, сэр.

– Благодарю.

На пути из здания таможни он все думал, что регистрация багажа могла пройти более успешно. Затем он увидел «Принцессу Гортензию» и тут же забыл о таможеннике.

Однако таможенник не забыл о нем.

Лейтенант Хассо промаршировал к Маршалу и долго отдавал честь.

– Его засекли, сэр! Пассажир вызвал подозрения у офицера таможни в порту, и он решил проверить список разыскиваемых.

– Значит, пытается бежать из страны? – С людьми вроде Хассо приходилось озвучивать очевидное, чтобы избежать долгих объяснений впоследствии. – Теперь он не уйдет. Пусть личная гвардия будет готова через пять минут, ясно?

Не подозревая, какая суматоха творилась в это время во дворце, Кабал молча любовался «Принцессой Гортензией». Судно стояло в стыковочной станции – клетке из вертикальных опор и перекладин, которые поддерживали вес его корпуса. Несмотря на впечатление, которое аэрокорабли, вроде «Гортензии», производили в полете, они вовсе не были легкими дирижаблями. Их вес обнуляли гироскопические левитаторы Лайтуайта, и передвигались они в магнитном поле Земли с помощью специальных направляющих. Левитаторы были спрятаны в верхней

части корпуса, а направляющие – четыре массивные, обтекаемые гондолы двадцати футов в длину и десяти в ширину – крепились на некотором расстоянии к пилонам, тянувшимся вдоль правого и левого бортов. Они обеспечивали тягу и руление, но в дополнение к ним в хвостовой части имелись еще четыре огромных руля направления: два внизу, а еще два, с символикой «Миркаэро» и крестом Императорского Ордера, – вверху. По бокам шли прямоугольные окошки кают, а сзади протянулись панорамные окна салона. Нос корабля практически полностью был отделан стеклянными панелями, сквозь которые просматривались мостик, командные пункты, механизмы управления и алюминиевая сетка пола. В обе стороны от мостика отходили крытые галереи, ведущие в стеклянные сферы, где несли вахту члены экипажа. Эти переходы со сферами на концах напомнили Кабалу рога улитки. Он догадался, что они выполняли функции, аналогичные открытым площадкам на океанских судах, и позволяли следить за станцией во время стыковки. Он видел, как члены экипажа передвигаются по сфере и посматривают на взлетную полосу. Кабал едва заметно кивнул, выражая одобрение, – он очень уважал качественную инженерную работу за чистоту мысли, а «Принцесса Гортензия» являла собой прекрасный образец.

Пассажиры поднимались на борт с балкона, который тянулся от зала ожидания; Кабал запоздало осознал, что вышел не с той стороны. Не желая возвращаться обратно, он двинулся в сторону витой железной лестницы, являвшейся частью стыковочной станции, – судя по всему, это был вход для экипажа. Решив не утруждать себя соблюдением формальностей, он поднял саквояж и зашагал вверх по лестнице. Каблуки громко стучали по металлу, пока он поднимался, последние лучи умирающего дня падали на литые перила и ступени, отбрасывая тени. Двадцать, тридцать, сорок футов над землей. Кабал замер в тени от брюха судна, и оглянулся на здание порта.

Кажется, за таможей он увидел солдат, но тут балка перекрыла обзор, и он фыркнул – теперь уже поздно включать параноика. Он сделал все, что мог. Теперь оставалось лишь надеяться, что этого достаточно.

Хассо поднялся на стремянах.

– Где тот парень, что вызвал тайную полицию? – пророкотал он, а затем добавил между делом: – Вот они мы.

Маршал тем временем спешил и, проходя мимо Хассо, спросил:

– Лейтенант, вам известно о такой вещи как скрытность?

Но и Хассо, и его лошадь определенно не имели ни малейшего понятия, о чем говорил граф.

Сотрудник таможи с топорным лицом – выглядел он так, будто мог и сам работать в тайной полиции, но ему отказали, чтобы не портил внешний облик, – направился напрямик к Маршалу, мгновенно сообразив, кто здесь мартышка, а кто шарманщик.

– Один из моих младших офицеров заподозрил что-то неладное, – отрапортовал он без преамбулы. – Человек выдавал себя за чиновника. Но не слишком походил на фотографию в паспорте. Мы проверили списки и вызвали вас.

Маршал немного подождал – в докладе таможенника явно не хватало слов, но они так и не прозвучали.

– Хорошо, – наконец, сказал он. – Прекрасная работа. И где он сейчас?

– На борту. Но судно не получит разрешения на отправление, пока мы его не найдем.

Ноздри графа раздулись. Он ощущал витающий в воздухе аромат горячей мести. Это итальянцы пусть подадут ее холодной, у них и сабельки почтай игрушечные – что они могут знать.

– Превосходно, – повторился Маршал. – Задержите корабль до тех пор, пока я не поговорю с этим офицером. – он повернул голову и пролаял: – Хассо! За мной! Мы почти поймали

его! Берите охрану. – И, дождавшись неизбежного цокота, добавил: – Да не верхом, ты, дубина стоеросовая!

Кабал заметил офицеров в форме и замер. Мгновение потребовалось ему, чтобы прийти в себя, а затем он продолжил взбираться по винтовой лестнице. Он зашел в салон «Гортензии» через дверь в углу: офицеры оказались членами экипажа, гражданскими, а не военными. Хотя даже так они очень походили на солдат. Мужчина под пятьдесят в белой униформе с большим количеством золотой бахромы на эполетах – Кабал сообразил, что перед ним капитан, – разговаривал с подчиненным. Тот внимательно слушал, а когда его отпустили, отсалютовал, шелкнул каблуками и ушел. Кабал вздохнул. Ну что с этой страной не так? Зачем они растят игрушечных солдатиков? Капитан обернулся и очень удивился, увидев постороннего. На мгновение он нахмурился, но лоб его тут же разгладился, и он направился к Кабалу.

– Простите мой шок, сэр, – сказал капитан, протягивая руку. Кабал вежливо ее пожал и даже не скривился, когда миркарвианец с силой сжал его кисть. – Обычно пассажиры поднимаются на борт по проходу на корме. Лестница, которой вы воспользовались, предназначена для экипажа, герр...

– Майсснер, – Кабал без запинки представился и протянул украденный паспорт и сопроводительные документы.

Капитан чуть натянуто улыбнулся и отмахнулся от бумаг.

– Это не входит в мои обязанности, проверка документов – дело стюарда. Если вы будете так добры и пройдете в хвостовую часть, уверен, он с радостью вами займется.

Кабал был не из тех, кто приносит извинения, но сейчас он видел, что произвел не лучшее первое впечатление, да и к тому же привлек к себе внимание. Он быстро пролистал информацию в памяти, нашел картинку человека, который улыбался, извиняясь, и скопировал ее.

– Прошу прощения, мне так неловко, – начал он, хотя не чувствовал себя ни капельки виноватым. – Я просто вышел на взлетную полосу подышать воздухом, а потом заметил, что посадка на «Гортензию» уже началась. Мне так не хотелось возвращаться и снова пересекать зал отлетов.

Кабал сложил ладони перед грудью – насколько он представлял, этот жест выражал раскаяние, – и слегка улыбнулся. Мышцы лица, привыкшие складываться в выражение абсолютной неумолимости и временами изгибаться в самодовольной ухмылке, ныли от напряжения.

– Я увидел ступеньки и решил, что никого не побеспокою. Однако теперь вижу, что нарушил протокол. Я сам работаю в правительстве и понимаю, насколько важны порядок и процедура исполнения. Я вот везу документы для заседания по вопросам передачи сельскохозяйственных угодий, и, поверьте мне, без надлежащего порядка и процедуры, это было бы очень печальное дело. К примеру, если взглянуть на первую программу. – Кабал потянулся за своим портфелем.

Остекленевший взгляд капитана внезапно сменился ужасом. Кому захочется оказаться один на один с читающим проповеди госслужащим? Конечно, до конца жизни его монолог не затянется, но ощущение складывалось именно такое.

– Нет-нет, герр Майсснер, в этом нет нужды, – поспешно сказал капитан, особенно выделив слово «это». – Ничего криминального не произошло, верно? Просто найдите стюарда, и все будет в форме.

Кабал посмотрел на лестницу, затем перевел взгляд на потолок.

– В униформе? Здорово, капитан! – Он прекрасно понимал, что офицер не пытался шутить, но не мог не воспользоваться такой прекрасной возможностью. По прошлому опыту он знал, какую мишень представляют собой плохие шутники.

Капитан тупо глазел на него какое-то время, затем сообразил, что сказано это было с юмором, и вяло посмеялся. Кабал поднял саквояж и собирался уходить.

– Что ж, спасибо. Вы были очень любезны. Не сомневаюсь, что еще увижу вас, капитан...

– Штен, – без особого энтузиазма представился тот – в его голове уже крутились ужасные видения о ближайших нескольких днях, которые ему придется провести в замкнутом пространстве с герром Майсснером. Кабал покинул помещение с чувством глубокого удовлетворения. Его работа здесь была закончена.

Когда он добрался до салона, посадка уже шла полным ходом. «Принцесса Гортензия» была большим судном, но предназначалась она для незначительного количества пассажиров, которые путешествовали в условиях абсолютной роскоши. По пути сюда Кабал насчитал что-то около двадцати кают класса люкс, значит вместимость едва ли превышала тридцать пассажиров. Люди победнее путешествовали четвертым классом на кораблях типа «Беллерофонта», а то и вовсе несколько дней кружили вверх и вниз по горным серпантинам. Кабал с трудом представлял себе экономическую рентабельность корабля размера «Принцессы Гортензии» при столь малом количестве пассажиров. Должен быть еще источник дохода – например, перевозка почты или что-то в этом духе.

Людей в салоне становилось все меньше. Посадочный переход все еще держали открытым, но там никого не было видно, и, судя по тому, как члены экипажа на входе регулярно поглядывали на часы, скоро его должны были отсоединить. Кабал никак не мог дожидаться, когда это произойдет.

Он подошел к мужчине, который, судя по встревоженному виду, скрытому под патиной чрезмерного дружелюбия, а также по папке-планшету в руках, и был стюардом.

– Добрый день. – Кабал протянул ему документы.

Стюард внимательно просмотрел их, оторвал несколько перфорированных разделов, поставил подпись в рамке и провел черту еще на одном листе, после чего вернул большую часть бумаг Кабалу.

– Здравствуйте, герр Майсснер, – с улыбкой произнес он. Улыбка стала ярче, когда стюард огляделся и осознал, что он вот-вот закончит. – Если вы подождете минуту, я найду проводника и попрошу отнести вашу сумку в каюту.

– В этом нет необходимости, – ответил Кабал. Он подхватил саквояж и похлопал по нему пачкой документов. – Государственные бумаги. Я начинаю нервничать, когда они остаются без моего присмотра. Я сам найду дорогу. П6? Правый борт, каюта шесть?

Стюард окончательно расцвел – бывают же люди, за которых не надо все делать.

– Совершенно верно, сэр. – Он протянул руку к разделенному на секции ящичку, который стоял на невысоком столике рядом с ним, и извлек ключ. – Ваш ключ.

Кабал взял его. Они уже порошались, когда из перехода раздался отчетливый грохот военных сапог, и оба повернулись.

У Кабала сердце ушло в пятки.

Навстречу им шел офицер – с нехорошим предчувствием Кабал распознал на нем мундир Личной гвардии – императорской элиты.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал он стюарду, который с нескрываемым изумлением глядел на приближающегося офицера, и непринужденно зашагал к коридору, ведущему на правый борт.

– Ты! – рявкнул офицер, чем заставил всех – включая Кабала – застыть на месте. Гвардеец, чеканя шаг, подошел к стюарду, промаршировал на месте и отсалютовал. Даже застигнутый врасплох, тот ответно отдал честь и стукнул каблуками друг о друга. Офицер открыл ташку и извлек на свет официального вида бумагу.

– Я ищу его, – рявкнул он и поднес бумагу к носу стюарда, чтобы тот мог прочесть. – Видели этого мужчину на борту?

«Там может быть фотография кого угодно», – думал Кабал. В Миркарвии наверняка регулярно разыскивают врагов государства. Не стоит беспокоиться. Нужно сохранять спокойствие и смотреть, как будут развиваться события.

Стюард дважды прочел бумагу, прежде чем повернулся и указал на Кабала.

«Так, ладно, похоже, я все-таки в беде», – решил Кабал.

Офицер тут же забыл о стюарде, словно о вшивой собачонке, развернулся и уставился на некроманта – его пристальный взгляд не сулил ничего хорошего. Кабал уже начинал жалеть, что не переложил выкидной нож в карман, когда была возможность. Шанс победить в очередной дуэли с закованным в сверкающую броню офицером стремился к нулю. Куда эффективнее было бы полоснуть гвардейца ножом по горлу, когда тот приблизится.

В помещении вдруг потемнело, когда перед Кабалом вырос офицер.

– Могу я вам помочь, лейтенант? – спросил Кабал.

Одним резким движением гвардеец поднес бумагу к его лицу.

– Четвертый проект, герр Майсснер!

– Прошу прощения?

– Доклад к заседанию по вопросу передачи сельскохозяйственных угодий, четвертый проект. Я здесь по личному распоряжению барона Митрахта из Министерства сельского хозяйства. Документы, которые вы везете, необходимо за время путешествия переделать в соответствии с указанными здесь критериями. – Он подался вперед и оказался с Кабалом нос к носу. – **ВАМ ПОНЯТНО?**

Кабал отшатнулся, сообразил, что никто не поволочет его отсюда в кандалах, и коротко кивнул.

– Конечно, я понимаю, – рявкнул он в ответ. – Передайте барону, что его приказания будут исполнены в точности. – Он вырвал бумаги из руки гвардейца. – Свободны.

Военный побелел, а Кабал гадал, не перешел ли черту. Но офицер развернулся и промаршировал обратно к выходу, бросив стюарду, своему товарищу по форме: «Хреновы гражданские!». Яростный стук его каблуков раздавался по крытому переходу, пока не стих.

Стюард посмотрел на Кабала. Тот помахал листом бумаги, прежде чем засунуть его в нагрудный карман.

– Работа у госслужащего не заканчивается никогда, – прокомментировал он, поднял свой саквояж и направился в каюту номер шесть по правому борту.

Паровой корабль «Хаймлиг» уже собирался покинуть расположенный на берегу озера порт, но рейс задержали до тех пор, пока не придут граф Маршал и его отряд. Лейтенант Хассо поднялся на борт – слава Богу не верхом! – и превратил простую задачу в самую настоящую канитель. Но три четверти часа спустя Иоганна Кабала, побитого и окровавленного, протаскивали по трапу и швырнули на пристань.

Только вот это был совсем не Иоганн Кабал.

– Хассо, это не он, – сказал Маршал. Судьба не изменяла себе и продолжала свои бессердечные проделки.

Хассо пнул стонущего мужчину еще пару раз и спросил:

– Вы уверены?

– Я провел в компании Кабала некоторое время, думаю, я бы его узнал. Да, этот мужчина примерно того же возраста и похож внешне, но это не Кабал.

– О-о, – Хассо накуксился. Мужчина застонал, и лейтенант снова пнул его. – Да заткнись ты уже. Мы только что получили плохие новости.

– Я... я племянник герцога Аахеля, ублюдки, – простонал мужчина. – Я знаю... знаю тебя, Маршал. Дядя Гюнтер за такое приберет твою жалкую шкуру к воротам.

Маршал, сидя на швартовой тумбе, послушал, прикинул.

– Что ж, надо стойко переносить удары судьбы, не так ли Хассо?

Хассо что-то невнятно буркнул.

– Может, Кабала мы и упустили, зато обнаружили опасного шпиона и диверсанта.

Граф подсунил ботинок под живот лежащего ничком мужчины и пинком сбросил его с пристани. Раздался крик, всплеск, недолгое барахтанье, а затем наступила тишина.

– Какая жалость, что он погиб при попытке бегства.

Хассо подошел к краю и глянул вниз.

– А что насчет Кабала, сэръ? Бросим поиски?

Маршал посмотрел вдаль, на гладь Галлакского моря.

– Сейчас он может быть где угодно. У нас же есть другая рыбка, которую нужно поджарить, лейтенант. Вот если наши пути вновь пересекутся, что же, Кабалу даже не представится шанс пожалеть об этой встрече, так как он ее не переживет. Однако жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на вендетты. – При этих словах граф слегка побледнел, так что не сумел провести даже Хассо.

С городской площади донеслись звуки выстрелов. Маршал поднялся и отряхнул брюки.

– Идем, нам еще надо разобраться с крестьянами.

Точно по расписанию гироскопические левитаторы начали вращаться и набирать скорость – теперь «Принцесса Гортензия» в самом прямом смысле игнорировала гравитацию. Аэросудно поднималось, и гигантские подвесные пружины стыковочной станции растягивались. Решив, что вызовет подозрения, если не окажется вместе со всеми на палубе в момент отлета, Кабал заглянул в совмещенную гостиную-столовую и обнаружил, что там полным-полно народу – остаться незамеченным вряд ли удастся. Тогда он вернулся в салон на корме, оперся на перила по правому борту. Отгораживающие их окна раздвинули на время взлета. Чуть выше виднелась направляющая гондола – Кабал с интересом наблюдал за тем, как она вращается на опоре в поисках магнитных линий, по которым «Гортензия» двинется вперед, будто гигантский паук по эфирной ниточке. Раздался резкий треск электричества, воздух наполнил запах озона – подходящая линия нашлась, что вызвало восторженные возгласы зрителей, собравшихся в аэропорту и на взлетной полосе. Почти сразу же передняя гондола по правому борту тоже закрепилась; Кабал не мог этого видеть, но зато заметил в опускающихся сумерках голубую вспышку на траве внизу. В громкоговорителях раздалось шипение, а затем голос капитана обратился к пассажирам:

– Леди и джентльмены, прошу вас приготовиться. Корабль вот-вот завершит отстыковку – это может вызвать легкую тряску. Мы совершим один круг над полем, прежде чем начать наше путешествие. Благодарю вас за внимание.

Раздался щелчок, и громкоговоритель смолк.

Для тех, кто находился в помещении, приготовиться означало обеими руками вцепиться в свои бокалы. Однако отстыковка прошла вполне гладко и успешно. «Принцесса Гортензия» поднялась в небо практически бесшумно – если, конечно, не считать возгласов пассажиров и тех, кто остался на земле, а также треска и щелчков, которые издавала гондола, переключаясь на более сильную магнитную линию, да постоянного гудения гироскопов, чья песнь проникала сквозь корпус и отдавалась во внутреннем ухе. На высоте в триста футов «Гортензия» прекратила подъем и, покачивая хвостовой частью, описала небольшой круг над летным полем. В городе зажигались огни – в домах загорались лампы, а на улицах вспыхивали пожары: восставшие продвигались все дальше и поджигали дома. Наблюдая за заревом, Кабал различал в дыму толпы людей, вспышки выстрелов и думал, уж не он ли послужил причиной всему этому. Затем он поднял глаза на небо, стараясь разглядеть первые звезды. Его всегда утомляла политика.

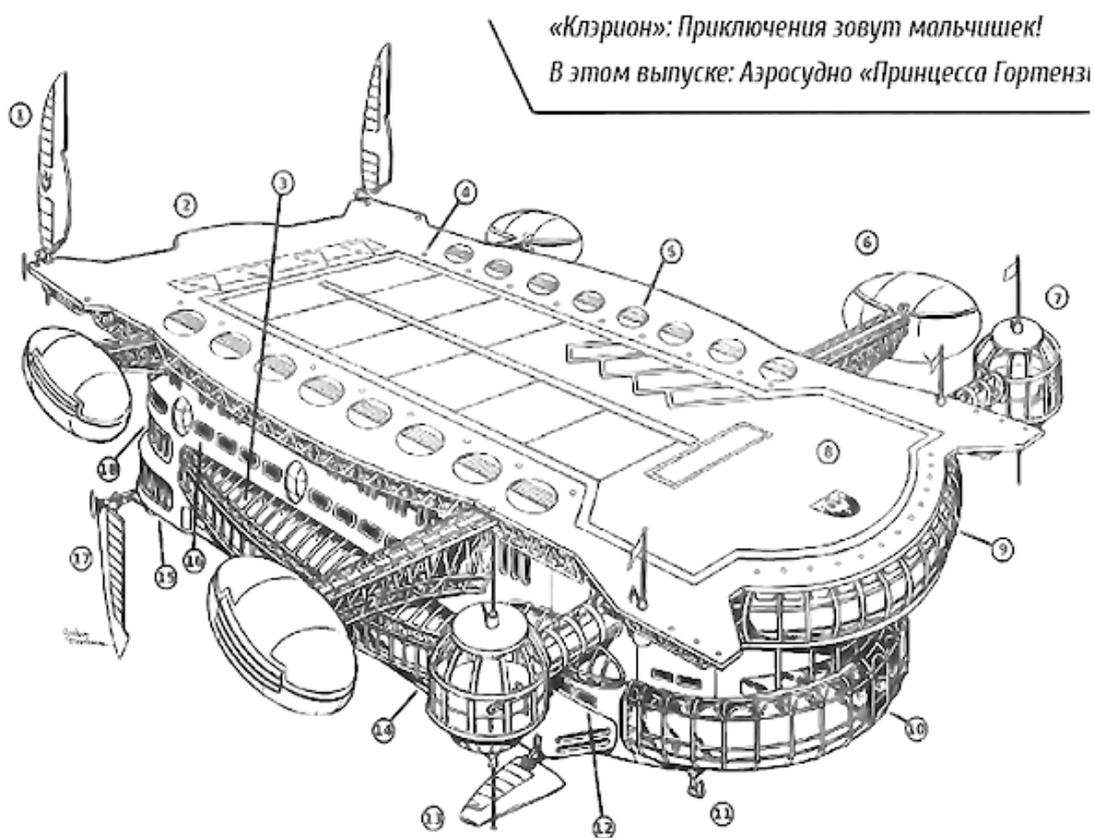
«Гортензия» завершила облет и взяла курс на Сенцу, лежавшую за горами. Корабль набирал скорость и высоту до тех пор, пока огни города не превратились в крохотных светлячков, потом в мушек, а затем и вовсе исчезли.

«Клэрион»: Приключения зовут мальчишек!

В этом выпуске:

Аэросудно «Принцесса Гортензия»

На этой неделе мы с вами посмотрим на гордость воздушного флота «Миркаэро» – судно «Принцесса Гортензия». «Гортензия» лишь недавно сошла со стапелей и через несколько недель, как только завершится последняя отладка, отправится в свой первый полет. Из аэропорта Бонифация VIII, что в миркарвианской столице – городе Крени, – она проследует через Парилу в соседнем государстве Сенца до Мемориального поля в Катамениш. На «Принцессе небес» ожидают очень важные гости.

ПОЯСНЕНИЯ К ЧЕРТЕЖУ

1. Надфюзеляжные рули направления. Расположены на значительном расстоянии друг от друга, чтобы не блокировать подлет к взлетно-посадочной полосе.

2. Коридор к взлетно-посадочной полосе. Энтмоптеры заходят на посадку с хвоста аэросудна. При посадке в ночное время у порога взлетно-посадочной полосы зажигаются крупные стрелки.

3. Палуба по правому борту. Доступ сюда разрешен только пассажирам первого класса с Палубы А.

4. Посадочные огни. Показывают границу посадочной зоны.

5. Крышки вентиляционных шахт гироскопических левитаторов. Под каждой расположена шахта, в которой размещаются левитаторы, созданные по патенту Лайтуайта.

6. Эфирные направляющие и корпус конвертора. Каждая из четырех направляющих гондол крепится к поворачиваемой раме, что позволяет обнаруживать магнитные линии и подсоединяться к эфирному полю земли.

7. Обзорные сферы. Корабль оснащен двумя обзорными сферами, которые используются во время взлета и посадки для ориентации относительно стыковочной станции. Жуткие приспособления!

8. Взлетно-посадочная полоса. Пассажирам «Принцессы Гортензии» не нужно ждать, когда корабль окажется на земле, чтобы подняться на борт. Благодаря миниатюрному аэродрому на крыше гости могут прилетать и покидать судно, когда им вздумается (при условии, что у них есть энтомоптер).

9. Капитанский мостик. Нервный центр всего корабля. Инженерные и навигационные системы и управление сходятся здесь. Представьте себе, каково быть капитаном! Мостик расположен на самой верхней палубе Д. Здесь же находится инженерный блок и каюты членов экипажа.

10. Столовая первого класса. Во время еды пассажиры могут насладиться чарующим видом, который открывается из широких окон.

11. Погодная станция. Анемометр и флюгер позволяют измерить относительную скорость и направление ветра.

12. Пищеблок. Здесь готовят еду для пассажиров первого класса. На борту также есть и другие камбузы, которые обслуживают пассажиров второго класса и команду.

13. Триммеры самолета. Меняют положение, чтобы обеспечить «Принцессе Гортензии» ровный полет.

14. Палуба А. Каюты пассажиров первого класса. Расположены на самой нижней палубе, поскольку с нее открываются самые потрясающие виды.

15. Салон палубы А. В задней части палубы А расположена бархатная гостиная. Когда судно находится в стыковочной станции, двери в задней части салона открываются для посадки и высадки пассажиров.

16. Палуба Б. Каюты для пассажиров второго класса. На летающем дворце под названием «Принцесса Гортензия» даже помещения второго класса роскошны! На палубе Б расположены жилые помещения стюардов, хранилища, а также галерея для пассажиров первого класса и пищеблок.

17. Подфюзеляжные рули направления. Вместе с надфюзеляжной парой получается четыре массивных плотных управляющих паруса. Пилотировать машину вроде «Принцессы Гортензии» не так-то просто!

18. Каюты стюардов. Расположены над салоном в непосредственной близости от палубы А. Ребята, мы надеемся, что отличные виды компенсируют ранний подъем и необходимость обслуживать номера!

В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ «Клэриона»...
цирковой поезд в разрезе!
Не пропустите!

Глава ЧЕТВЕРТАЯ

В которой Кабал действует, но будущее остается туманным

Пять минут спустя Кабала вежливо отогнали от окна, и стекло опустилось на место. Он без особого интереса наблюдал за процессом, и в этот момент рядом с ним возник стюард.

– Добрый вечер, сэра, – сказал он, передавая меню.

– Что это? – с подозрением уточнил Кабал.

– Меню праздничного ужина в честь отправления, сэра, – отвечал проводник. – Все есть в программке, – добавил он поспешно.

Кабал вытащил связку бумаг Майсснера из внутреннего кармана и быстро пролистал их. Если припомнить, среди них действительно попадалось что-то вроде расписания корабля, только он решил, что оно касается основных приемов пищи, а не особых мероприятий вроде «праздничного ужина в честь отправления». Но нет же – все было указано: место за капитанским столом, дресскод – смокинг. Кабал тихонько заскрежетал зубами – он не мог отказаться, не привлекая к себе внимания. Оставалось надеяться, что Майсснер упаковал смокинг.

Кабал заперся в каюте номер 6 по правому борту и тяжело опустился на кровать. Он терпеть не мог актерствовать; уже то, что ему пришлось скрывать свою личность и разыгрывать этот спектакль, было до крайности отвратительно – он не мог дождаться, когда минуют несколько дней путешествия. Однако пока...

Он открыл сундук Майсснера и пошарил в его содержимом. Пусть Майсснер занимал невысокую должность в правительстве, но его зарплата, судя по всему, была солидной. Или его отец имел приличное состояние и хорошие связи, чтобы устроить судьбу сына. Второе казалось куда более вероятным. Кабал обнаружил по меньшей мере три смокинга, причем один из них надеть можно было разве что на спор. Его он запрятал на дно сундука, а сам присмотрелся к двум оставшимся – оба черные, разве что один менее модного покроя – его-то Кабал и повесил в шкаф, чтобы надеть вечером. Затем он извлек пару брюк и прикинул их длину, приложив к ноге, – отлично, они с Герхардом Майсснером были одного роста. Рубашки тоже подошли. К своему великому облегчению, Кабал обнаружил, что все нижнее белье было новым, неносенным, еще в заводской упаковке. Не зная наверняка, жив Майсснер или нет, Кабал тем не менее не испытал особого беспокойства, надевая его ботинки, которые могли стать туфлями мертвеца, но вот влезать в трико трупа – это уж увольте.

Определившись с костюмом на вечер, он сел на кровать, взял лежавшую рядом связку документов и пролистал их, чтобы вновь не попасть в неловкую ситуацию. Похоже, после первого вечера полет должен проходить спокойно: все мероприятия в основном были по желанию, и лишь ужин накануне прибытия в Катамению требовалось посетить обязательно. Еще в стопке обнаружился буклет, расхваливающий все прелести «Принцессы Гортензии», среди прочего в нем имелся краткий раздел о чудесах современной науки, написанный покровительственным тоном. Его открывала фраза, которая представляла собой пизанскую башню из технических терминов, увенчанную идиотской гиперболой сродни тем, что используют самые отвратительные бумагомаратели. Стиль статьи настолько выбесил Кабала, что он даже не стал дочитывать. Вместо этого он вырвал из буклета страницу и начал складывать из нее фигурку оригами.

Когда он закончил, на маленьком письменном столе восседал лебедь. Тогда Кабал потушил свет и остался сидеть почти в полной темноте. В окне виднелись лишь звезды. Под ними тянулись пейзажи, которые не разбавлял даже одинокий огонек коттеджного домика. Несколько минут Кабал наблюдал за тем, как мир – ну или по крайней мере то, что он мог различить на горизонте, – проплывает мимо. Он чувствовал себя глубоко несчастным.

Ему так не хотелось отправляться на этот ужин, будь он неладен. Во-первых, придется провести весь вечер, притворяясь другим человеком, и, если не получится убедительно его изобразить, наказанием будет смерть – не слишком походит на веселое времяпрепровождение. Во-вторых, Кабал и в лучшие времена не любил находиться в компании других людей, а уж когда ему навязывали общество состоятельных и самодовольных бюргеров и бюргерш Миркарвии, его нелюбовь к таким мероприятиям усиливалась минимум вдвое. Может, повезет и удастся улизнуть пораньше, сославшись на воздушную болезнь? Но тут он прикинул, что тогда все оставшееся путешествие благочестивые матроны будут докучать ему, предлагая запатентованные лекарства от слабого желудка, большинство из которых содержит в своем составе сырые яйца. Что ж, придется стойко вынести испытание, держаться отстраненно, действовать экспромтом и в целом не выказывать дружелюбия.

Настроение слегка улучшилось – вечер становился более интересным.

Ужин предварял фуршет с шампанским. Кабал, как того требовала мода, чуть припозднился, однако обнаружил, что тенденции теперь совсем другие. Пассажиров в гостиной на корме оказалось не многим больше стюардов. Ему предложили наполненный до краев бокал шампанского, причем не узкий, какие, он считал, нынче популярны, а широкий. Оглядевшись, он заметил, что женщинам подносили длинные, заполненные наполовину бокалы, и понял, что в миркарвианском обществе быстро напиваться было прерогативой мужчин. Кабал с трудом представлял, как Движение трезвенников сумеет в ближайшее время развернуть кампанию в Миркарвии. Он нерешительно взглянул на свой бокал – в нем было, наверное, не меньше четверти пинты, – а затем тихонько направился к эркеру в дальней части, где располагался закрытый шлюз, ведущий в коридор. Там он встал, потягивая шампанское и стараясь выглядеть холодно и неприступно.

Судя по всему, методика работала. Никто не приближался и не заговаривал с ним, кроме стюарда, который каждые несколько минут нависал над Кабалом и молча ужасался, что тот до сих пор не приговорил свой первый бокал, не говоря уже о третьем или четвертом. Гостиная постепенно заполнялась, мужчины пили и пили, а женщины беспрестанно о чем-то трещали. Здесь собрались не лучшие представители человечества, и наблюдать за ними Кабалу было не слишком интересно. Вместо этого он смотрел на бескрайнюю пропасть небес. Облачный покров истончился, и теперь лишь несколько рваных завитков слоисто-кучевых облаков медленно плыли по небу, подсвеченные синим светом растущей луны. Звезды сияли ярче и казались четче, чем ему когда-либо доводилось видеть, – Кабал полагал, что это из-за высоты. Юношей он непродолжительное время увлекался астрономией, и сейчас забавлялся тем, что выискивал созвездия. Как всегда, найти Большую медведицу не составило труда, и Кабал по-детски испытал восторженный трепет. Он провел линию от ковша до Полярной звезды и долгое время любовался ей. Но затем она сместилась на небе, что заставило встрепетнуться уже совсем по другой причине – он понял, что корабль поворачивает. Однако по прошествии нескольких тягостных секунд, вращение прекратилось: «Принцесса Гортензия» просто слегка скорректировала курс, а не возвращалась в аэропорт. Кабал всем сердцем желал, чтобы начался этот чертов ужин и можно было поскорее с ним покончить.

Вопреки всему, он почувствовал, что входит в роль. Он вспомнил все, что знал о сельском хозяйстве и был вполне уверен, что сумеет произвести впечатление на обывателей фактами о почесухе у овец. Учитывая, что эти обыватели были пьяны в зюю.

Внезапно он ощутил, что за спиной его кто-то стоит, а в следующий миг почувал запах парфюма. Он позволил себе расслабиться, и, стоило перестать быть отчужденным и неприступным, как к нему подступились.

– Прекрасный вид, не так ли? – раздался юный женский голос. Вопрос задали практически ровным тоном, поэтому Кабал не сразу сообразил, о чем идет речь.

– Вы о звездах? Ах, да, полагаю, что так. Хоть я не поэт и не художник. Но так говорят.

Женщина издала звук, который походил на легкий смешок, словно Кабал только что произнес остроумную или глубокую фразу. На самом деле, так и было. Затем женщина продолжила:

– О чем вы думаете, глядя на звезды?

Кабал слышал о таком. Если он все правильно понимал, его пытались «подцепить», и сейчас они находились на стадии светской беседы. А что, неплохой вариант. Он вполне сможет избегать компании остальных пассажиров, если на протяжении всего полета будет развлекать одну – в идеале довольно глупую – женщину. Если верить пословице, никто не любит быть третьим лишним. Над этим знакомством стоило поработать.

Глядя исключительно на звезды, Кабал принял вид, по его мнению, мечтательный и романтичный, и сказал:

– Когда-то давным-давно люди верили, что их будущее записано в звездах. Это называлось астроскрипт. Считалось, что если хочешь узнать обо всем хорошем, что сулит будущее, нужно читать его с запада на восток.

– А чтобы узнать о плохом – с севера на юг? – спросила его спутница, не проявив особой смекалки.

– Все это чепуха. – принялся разъяснять Кабал, гадая, насколько удачным был ход. – Звезды движутся по орбитам. Будущее остается скрытым от нас, как бы мы ни старались его прочесть. Существовала еще одна техника – гиромантия. Практикующие ее люди вращались на месте до тех пор, пока у них не начинала кружиться голова и они падали. То, как они падали, предсказывало будущее человека, нанявшего гироманта. Я так полагаю, – добавил он с изысканным смешком, – что правдивое предсказание звучало бы так: «Скоро мошенник обведет вас вокруг пальца».

На какое-то время в воздухе повисла тишина – Кабал как раз подумывал, не настал ли момент повернуться и, насколько получится, предстать во всей своей неотразимости. Однако прежде чем он успел воплотить задумку, его спутница заговорила вновь:

– Гиромантия... Мне казалось, вы больше по части некромантии, Иоганн Кабал.

В гостинной стало очень тихо.

Но вот кто-то из гостей засмеялся, и разговоры возобновились – Кабал сообразил, что произошло банальное совпадение и около дюжины бесед вдруг прервались одновременно самым естественным образом. Ну, по крайней мере, пока никто не тыкал пистолетом ему в спину, а значит причиной молчания послужил не он. Кабал перестал глядеть на звезды – горло сдавило спазмом, да и голова вела себя слегка гиромантически, – сосредоточился на отражении в стекле и на секунду ему привиделось лицо, которое, как он прекрасно знал, принадлежало мертвецу. Сердце сделало кульбит. Резко вдохнув, Кабал снова поднял глаза и понял, что ошибся, однако правда оказалась не менее шокирующей. Он был не из тех, кто охает и ахает, поэтому и на этот раз воздержался. По правое плечо рядом с ним стояла Леони Бэрроу. Она со злостью смотрела на него.

Некромант едва ли может надеяться на то, что больше никогда в жизни не встретит человека, даже если закопал его в лесу. Таковы издержки профессии. Однако последним человеком, которого Иоганн Кабал ожидал увидеть на борту «Принцессы Гортензии», была Леони Бэрроу – женщина, что он последний раз встречал много месяцев назад, за много международных границ отсюда.

В те времена Иоганн управлял дьявольским цирком, который в течение года курсировал по железной дороге, собирая по пути души недовольных. Все это творилось по прихоти заскучавшего, капризного Сатаны, который заключил с Кабалом пари: если за год с помощью цирка тот соберет урожай из ста душ и доставит в ад, Князь тьмы вернет ему его собственную.

Как же Кабал возненавидел тот год, хотя кроме себя винить за случившееся было некого. У него выдался отвратительный период, когда приходилось приговаривать людей к вечным

мукам и заниматься всякой ерундой. Он прошел через многое, а удовольствия не получил. Тогда Кабал верил, что цель оправдывает средства, но достигнутая цель заставила его усомниться в средствах, из-за чего и без того небольшая победа казалась мелочной и позорной. Что за горькая ирония в череде других разочарований, что он испытал за тот год.

Мисс Бэрроу и ее отца Кабал повстречал уже под конец путешествия, когда ситуация внезапно стала совсем отчаянной. Фрэнк Бэрроу, отставной полицейский и двойная головная боль, выступил против него, словно заклятый враг, однако Леони Бэрроу оказалась куда более смышленным противником. Ту встречу едва ли можно было назвать счастливой, да и расстались они не при лучших обстоятельствах. Если бы мисс Бэрроу тогда убила Кабала, обвинению пришлось бы попотеть в поисках присяжных, которые согласились бы отправить ее на виселицу.

Кабал обернулся, дабы посмотреть ей прямо в лицо и убедиться. Леони по-прежнему была высокой, чертовски привлекательной (в прерафаэлитовском стиле) девушкой с короной золотистых волос, которые так подходили ее имени. И она была все так же зла на него. Кабал хотел заговорить, но его красноречие взяло на сегодня выходной.

– Агхх, – медленно проскрипел он, не сумев подобрать слов.

Большой палец Кабала дернулся и переломил ножку бокала, остатки шампанского пролились к ногам Леони.

Тут же возле них возник официант и принялся извиняться за бокалы плохого качества, уверяя, что компания обязательно подаст жалобу производителям этого ширпотребя.

– Принести вам другой бокал, герр Майсснер? – предложил он, подбирая остатки стекла.

– Майсснер? – одними губами прошептала мисс Бэрроу, глядя на Кабала.

Он ничего не ответил – его мозг оттаивал от шока, и шестеренки начинали усиленно вращаться. Если Леони раскроет его, корабль тут же повернут и отвезут его обратно в распростертые объятия графа Маршала. А он не мог этого допустить. Но и выхода из ситуации он не видел. Кабал стал просчитывать возможные схемы. План А заключался в том, чтобы ударить Леони в живот и выбросить в окно. Прямой и эффективный, этот подход, однако, имел целый ряд практических недостатков. А плана Б у него не было.

– Быть может, и вам еще шампанского, фройляйн Бэрроу? – поинтересовался стюард, кивая в сторону ее бокала.

– Нет, благодарю, – ответила Леони с улыбкой. – Пока мне хватит. Уверена, что, если захочу еще, герр Майсснер любезно принесет? – последняя реплика была обращена Кабалу, который едва ее не прослушал.

– Непременно, фройляйн. Почту за честь, – он кивнул и щелкнул каблуками, поскольку здесь этого, судя по всему, требовал этикет.

– Вы военный, сэр? – жест Кабала впечатлил стюарда.

Иоганн захлопал глазами. Похоже, он даже нос не мог утереть, не совершив какую-нибудь оплошность или не породив недоразумения.

– Вообще-то не совсем, – уклончиво ответил он. – В молодости я учился в академии, но моя лошадь...

«Какой вред может нанести лошадь своему наезднику?»

– ...упала на меня.

Вроде бы звучало вполне правдоподобно, чтобы объяснить уход по состоянию здоровья. Кабал коснулся плеча, где якобы находилась травма, оставленная лошадью, и случайно задел рану, нанесенную саблей Маршала. Непритворная гримаса боли сделала свое дело. Стюард сочувственно кивнул и двинулся дальше.

Леони Бэрроу наблюдала за ним самим. Кабал облокотился на перила и с деланным спокойствием скользил взглядом по гостиной, но она прекрасно знала – он просто не хочет, чтобы еще кто-то подкрался к ним незаметно, особенно когда они заведут разговор о том, что обязаны были обсудить. Леони ждала. Наконец, Кабал подобрал слова.

– Почему вы меня не выдали? – спросил он, не глядя на нее.

Она улыбнулась, притворяясь, будто ведет светскую беседу, но, когда заговорила, тон ее был холоден.

– Тогда бы вас доставили обратно в Кренц и вздернули на виселице. Или выбросили за борт здесь и сейчас. Люди вашей профессии не слишком популярны у миркарвианцев...

Взгляд Кабала скользнул по Леони.

– ...как, впрочем, и везде.

Его глаза сузились.

– То есть вы сохранили мне жизнь исключительно из человеколюбия. Как мило с вашей стороны. Я как будто уже получил прощение.

Во власти Леони было отправить его на смерть, но почему-то Кабалу такой поворот событий казался предпочтительнее ее снисхождения.

– Приберегите сарказм для других, Кабал. Когда мы прибудем в Сенцу, я лично прослежу, чтобы вас арестовали. У них людей вроде вас не приговаривают к смертной казни. Вам дадут пожизненный срок, но большего вы и не заслуживаете, – она вещала с холодной уверенностью.

Кабал уже жалел, что отказался от бокала – по крайней мере, так у него хотя бы были заняты руки. Сейчас они чесались привести в исполнение план А, и плевать на последствия.

– Вы вся в отца, – наконец, промолвил Кабал. – Кстати, как он?

– Сносно, учитывая, через что вы заставили его пройти.

– Полагаю, ваше мнение обо мне не изменится, если...

– Нет.

– ...если я скажу, что действовал не по собственной воле. – Он взглянул на нее. – Да, едва ли это что-то меняет. Только не в вашем мире непоколебимых моральных стандартов.

– Вы действительно считаете, что вы выше всех?

– Не говорите глупостей, – возразил он, тщетно пытаясь вспомнить, кого считал образцом для себя. Но на ум никто не приходил.

Какое-то время они стояли в неловком молчании.

– Итак, – начал Кабал; звучание слов раздражало его чуть меньше, чем их отсутствие. – Что привело вас в эту дыру, Миркарвию?

– Степень, – сурово ответила Леони, не вдаваясь в детали.

– Степень? О какой именно степени идет речь?

– По криминальной психологии, – пояснила она и посмотрела ему прямо в глаза.

Кабал вздохнул.

– Вы и правда вся в отца. И кем вы собираетесь стать? Трудолюбивым полицейским или владелицей психиатрической лечебницы для невменяемых преступников? Я бы рекомендовал второе – там рабочий день короче.

В ответ она лишь склонила голову набок и посмотрела на него пристальнее. Кабал вдруг понял, что этот взгляд напоминал его собственный, когда по пути ему попадался подходящий мертвяк. Как правило, это случалось в три часа утра и труп покоился под брезентом на тележке.

– Пфф, – фыркнул он. – Вы считаете меня преступником, верно? Мелким правонарушителем из проблемной семьи, который вершит бесчинства, потому что в детстве кузина сказала, будто у лошадей пять ног, чем напугала его на всю оставшуюся жизнь. Так ведь?

– Вы – преступник, Кабал. Но совершенно необычный. Знаете ли вы, что я решила стать криминальным психологом именно после встречи с вами?

Кабал нахмурился.

– Если вы намерены завоевать мое расположение, то выбрали для этого странный способ.

– Вы поступаете как преступник, но ваши мотивы... Их я абсолютно не понимаю. Большинство ваших коллег...

– У меня нет коллег. В нашей профессии не организуют профсоюзы и клубы.
– ...недалекие людишки, страдающие манией величия. Я запросто подмечаю этих психов, жаждущих власти и оживляющих трупы...

– А теперь вы пытаетесь привлечь меня жаргоном.

– Прекратите уже перебивать меня. Короче, я за версту чую этих жалких созданий.

– Похоже, вам пришлось много их повидать, – пробормотал Кабал.

– Доводилось, – ответила Леони.

Кабал удивленно взглянул на нее. Завладев его вниманием на какое-то время, Леони продолжила:

– Так уж получилось, что было это в психиатрической лечебнице для невменяемых преступников. Эти одинокие несчастные люди брались за некромантию, как сумасшедшие хватаются за нож, чтобы отомстить обществу, которого они не понимают и которое не пытается понять их. Но вы. Вы можете вписаться. Непросто сойти за одного из своих. – Она кивнула в сторону миркарвианцев. – Не представляю вас во главе армии зомби, что идет в бой.

– Зомби такая древность.

– Не шутите со мной, Кабал. Ваша жизнь в моих руках. Я хочу поступить правильно, но, боже мой, достаточно будет одной мелочи.

Кабал нахмурился.

– Это что, принудительный психоанализ? «Расскажите мне о вашем детстве» и тому подобное? Я и не знал, что психиатрия стала агрессивной. – Он улыбнулся ей для виду, но смотрел пристально и грозно. – Не думайте, будто сумеете проанализировать меня и включить в свою диссертацию. Приходили ко мне как-то в рамках переписи населения и пытались провернуть подобное. Я отдал их на съедение своему саду.

– Вашему саду?

Кабал наморщил нос.

– Вы же не думаете, что я буду лично проделывать грязную работу?

Глаза мисс Бэрроу стрельнули в сторону – внезапно она широко улыбнулась и стала сама веселость.

– Ах, вы сказали садовнику, что он может это съесть! Ох! Как трогательно! – Она расмеялась во весь голос.

На мгновение Кабал растерялся. Он глянул в сторону и притворился, будто только заметил, что у них появилась компания.

– Ну что ж, – сказал он, разыгрывая радость. – В наше время невозможно найти достойных работников.

Пара, к которой он обратился, позволила себе на миг замешкаться, после чего оба вежливо рассмеялись.

– Да-да, вы правы, – произнес мужчина, гадая, с чем именно он соглашался.

Затем повисла натянутая пауза, во время которой Кабал все думал, почему же они не уходят, а пара отчаянно пыталась сообразить, как убраться и не показаться невежливыми.

– Роборовски, – представился мужчина, так ничего и не придумав. – Линус Роборовски. А это моя жена, Элизабет.

Они не слишком-то подходили друг другу. Ему было около сорока, а может больше. Изможденный, лысеющий потихоньку мужчина производил впечатление человека, которому постоянно что-то угрожает. На нем был добротный, но не слишком костюм, пошитый на заказ из зелено-коричневой саржи. Сидел костюм по плечам, но все равно казалось, что Роборовски насильно упихнули в него. Кабал решил, что тот, скорее всего, малый предприниматель, который внезапно преуспел и теперь не представлял, что делать с появившимися деньгами.

Его жена была на полголовы выше и значительно моложе – больше тридцати не дашь. Кожа ее была не просто бледной, а скорее тусклой, пшеничные кудри спускались по плечам, и

явно докучали ей. Отвратительное платье горчичного цвета висело, ни капли не подчеркивая фигуру. Она стояла чуть позади супруга; оба выглядели так, будто их слепили из грязи. Они напомнили Кабалу – как будто ему вообще требовалось напоминание, – почему он не стремился к обществу: люди были кошмарными созданиями, на них не стоило тратить силы.

– Майсснер, – сказал он, пожимая руку Роборовски. – Герхард Майсснер.

Он еще не успел отпустить руку Роборовски, а его супруга уже протягивала свою ладонь. В надежде, что ему удалось подавить раздражительность, которая непременно прокралась бы в голос, не контролируя он себя, Кабал щелкнул каблуками и поцеловал ей руку.

– Enchanté, мадам, – добавил он, дабы придать себе солидности. Опыт подсказывал, что можно произнести любую чушь на иностранном языке и ты тут же становишься утонченным джентльменом.

Он уловил в ее взгляде блеск, который ему совершенно не понравился. Уж слишком расчетливый. А учитывая, что Кабал не представлял, что именно она просчитывает, включился инстинкт самосохранения. Однако блеск тут же пропал, и Роборовски вновь смотрела на него с пустым выражением, присущим мещанским домохозяйкам, ну или скотине.

Герр Роборовски тем временем испытующе разглядывал мисс Бэрроу.

– А ваша спутница?.. – спросил он Кабала.

Однако мисс Бэрроу предпочитала говорить сама за себя, чего бы там ни требовал миркарвианский этикет.

– Леони Бэрроу, – представилась она и протянула руку. Оба Роборовски не обратили внимания, что ладонь она при этом держала большим пальцем вверх, с улыбками ответили на рукопожатие, а фрау Роборовски даже сделала книксен.

– Вы из Англии, верно? – спросила она у мисс Бэрроу. – Всегда хотела там побывать, но Линус вечно занят – похоже, у нас никогда не выдаться возможность съездить в отпуск.

– Оу? И чем же вы занимаетесь? – Леони адресовала вопрос напрямую герру Роборовски, но тот уставился на нее пустым взглядом, как актер театра, который вместо того, чтобы следить за репликами, думает о том, что будет есть на ужин. Спустя мгновение ответила фрау Роборовски:

– Он столяр-краснодеревщик.

Ее супруг слегка подпрыгнул, как актер, который, наконец, определился, что на ужин у него будут гренки с сыром по-валлийски, и вернулся на сцену, где все коллеги, оказывается, мечут молнии и готовы убить взглядами.

– Ах, да, – сказал он так, будто сей факт был столь шокирующим, что нуждался в подтверждении. – Я столяр.

– И у вас очень много работы? – уточнил Кабал, пытаясь увязать столярное дело, ужасную занятость и вояжи на роскошных аэросудах.

– Эм, угу. Да?

– Линус, – встряла его жена, добавив немного едких интонаций, как человек, который подозревает, что его высмеивают, но до конца не уверен в этом, – очень успешен. У него одна из самых уважаемых мастерских в стране! – В конце фразы миссис Роборовски резко кивнула, как бы напоминая: «И не забудьте, что он работает по красному дереву».

– Так значит, вы владеете столярной мастерской. – Кабал задействовал мышцы, которые, согласно его тщательным исследованиям, должны были выдать на лице улыбку превосходства. – Как захватывающе.

Герр Роборовски просиял – такой счастливый хомяк. А вот его супруга не обрадовалась.

– А чем заняты вы, герр Майсснер?

– Я? Боюсь, я лишь винтик в госслужбе Миркарвии. Я не сею и не пожинаю плоды, разве что только в очень метафорическом смысле. А вот создавать вещи своими руками – этим действительно можно гордиться.

Чтобы проиллюстрировать сказанное, Кабал вытянул руки ладонями вверх. За последние четыре месяца они не знали физического труда. Раньше их покрывали мозоли – результат неофициальных ночных эксгумаций, после которых приходилось забивать упрямых ходячих мертвяков снова до состояния неодоушевленности и производить столь же неофициальные ночные кремации. Сейчас руки Кабала выглядели как руки чиновника-крючкотворца, который разве что иногда высаживает цветочки в горшки.

Герр Роборовски неосознанно скопировал его жест и вытянул свои руки. Кабал заметил на ладонях следы труда, но, как и в его случае, руками Роборовски не работал уже какое-то время. Пока мозг делал выводы о том, что, увы, этот маленький человечек и его раздражающая супруга те, за кого себя выдают, Кабал отвлекся и добавил:

– Я про все премудрства со струбцинами, шеллаком, голубиными соединениями, токарными станками и прочим. Всегда здорово делать что-то своими руками.

– Верно, – согласился Роборовски, но как-то печально.

– Всему свое время, естественно. – Тусклая фрау Роборовски, судя по всему, выступала против всего, что не приносило прибыли. – Тебе нужно думать о своей компании. – И, видимо, решив, что ее супруг не способен продвигать себя сам, она пояснила Кабалу и мисс Бэрроу: – Мы надеемся расширить бизнес и начать вести дела в Катамени. Дизайн Линуса там пользуется большим спросом, но возить изделия через Сенцу, где эти варвары настаивают на том, чтобы разобрать все по кусочкам – как будто в комод можно провезти пушку, – крайне затратно. Поэтому мы намерены открыть мастерскую в Катамени и окончательно забыть об идиотизме, что творится в Сенце.

– Но зачем... зачем кому-то может понадобиться прятать пушку в комод? – спросила мисс Бэрроу.

– Военная помощь. Катаменцы, конечно, тоже варвары, но они исторически наши союзники. Сенцианцы боятся, что им придется вести войну на два фронта и аппелируют к дурацкому соглашению, по которому Катамения не имеет права перевооружаться.

– Перевооружаться? А как они утратили вооружение?

Чете Роборовски вдруг стало неудобно.

– Уверена, герр Майсснер может...

– Нет-нет, – заверил Кабал фрау Роборовски. – Вы прекрасно справляетесь.

Загнанная в угол, Роборовски призналась:

– Была война. Скорее даже, спор о границах...

Слушая ее, Кабал подумал о том, какое количество пустячных приграничных споров стали *casus belli*⁹ и повлекли за собой вторжения.

– ...который сенцианцы раздули. А в следующий момент катаменцы должны были демобилизовать военных и уничтожить оружейные запасы. Разрешили оставить лишь необходимый минимум для полиции. Подлое посягательство на национальный суверенитет! Они расчетливо пошли против древних военных традиций!

«Или же мудрый победитель вырвал клыки у бешеного пса», – довольно точно, пусть и безжалостно, оценил Кабал.

– Эти сенцианцы так много о себе мнят – ведут себя, словно им принадлежит весь регион! Они даже проверяют данные всех, кто проезжает по их территории, не являясь при этом сенцианцем по рождению, мол, чтобы гарантировать, что нет никакой угрозы национальной безопасности. Вы знаете, что, когда мы прибудем в Парилу, они обыщут корабль? Удостовериться, что мы не отчаянные анархисты, а члены экипажа не состоят на военной службе, потому что в соответствии с их правилами это тоже противозаконно! Ну а как же – естественно мы попы-

⁹ *Casus belli* – причина войны (*пер. с лат.*)

таемся вторгнуться в их страну на люксовом пассажирском корабле, на борту которого полно смертельно опасной взрывчатой картошки, которую мы сбросим на них. Они такие идиоты!

Кабал почувствовал, что просто обязан изогнуть брови.

– Картошки?

– Не волнуйтесь, мой дорогой, – вступил герр Роборовски, потрясенный вспышкой супруги. Она говорила с такой страстью, что на ее бледных щеках проступил едва заметный румянец, производивший впечатление яркой капли крови на льду.

– Да-да. Конечно. – Она уняла нарастающий гнев и теперь лишь слегка раздраженно пофыркивала. Желая сменить тему, она обратилась к мисс Бэрроу:

– Из какой части Англии вы родом, мисс Бэрроу? С севера?

– Да, – Леони рассмеялась. – Знаю, у меня очень заметный акцент. Если быть точной, то я из северо-восточной Англии.

Лед треснул, четверо завели светскую беседу (строго говоря, разговаривали трое, а Кабал лишь изредка издавал смешок) и болтали, пока Роборовски, извинившись, не отправились заводить другие знакомства.

Кабал наблюдал за тем, как они удаляются; улыбка, которую он одной лишь силой воли удерживал на лице, перетекла в оскал. Заметив это, мисс Бэрроу пробормотала:

– Вот это уже больше походит на Иоганна Кабала, которого я знаю.

– Скрывая от миркарвианцев мое истинное я, вы, скорее всего, совершаете чудовищное преступление согласно смешному документу, которое они зовут уголовным кодексом.

– Что я слышу? Неужто вы беспокоитесь о моем благополучии?

– Нет. Просто хочу отметить, что, коль скоро нам обоим есть, что терять в случае, если всплывет мое настоящее имя, было бы неплохо, если бы вы перестали упоминать его каждые несколько минут.

Леони уязвленно взглянула на него.

– Ну почему вы не могли выбрать себе профессию, которая не причиняет столько беспокойств, герр Майсснер? Стали бы мясником или доктором...

– А есть разница?

– ...или развлекали бы детишек, или... да все, что угодно. Ради бога, герр Майсснер, объясните, почему вы занимаетесь тем, чем занимаетесь?

– А это уже мое личное дело, – ответил Кабал.

В этот момент раздался пронзительный звук гонга – объявили ужин.

Глава ПЯТАЯ

В которой подают ужин и завязываются знакомства

Тот же стюард, что убирал разбитый бокал, провожал Кабала к его месту за столом. Ужин подавали в столовой на носу корабля – именно в это помещение Кабал попал, когда только взошел на корабль.

– Джентльменов на борту больше, чем леди, – признался стюард. – Боюсь, придется сажать по двое мужчин рядом, но, по крайней мере, у каждого будет дама, с которой можно побеседовать.

Кабал, к своему ужасу, вдруг понял, что его разместили рядом с Леони Бэрроу. Он молча сел и намеренно уставился вдаль. Однако стюард не выполнил квоту неприятностей на сегодня. Наливая вино в бокал Кабала, он тихо прошептал:

– Я взял на себя смелость посадить вас рядом с этой юной леди.

Кабал посмотрел на него. Фраза «если бы взглядом можно было убить» даже близко не описывала выражение развешающего отвращения, которое запечатлелось на его лице. Куда лучше подошла бы картина, на которой стюарда прибивают гвоздями к церковной колокольне, пока в округе бушует дикая гроза.

Заговорщицки подмигнув, стюард двинулся дальше, довольный проделанной работой. Кабал нехотя повернулся к мисс Бэрроу, которая тоже не слишком приветливо улыбалась ему.

– Полагаю, на этом судне мы теперь официально влюбленные голубки, – пробормотала она.

С каменным выражением Кабал взял салфетку и положил ее на колени.

– Представьте себе мой восторг, – сказал он, обращаясь к своим столовым приборам.

Мисс Бэрроу тронула его за локоть и тайком указала на остальных гостей. Оглядевшись, Кабал заметил, что все остальные мужчины цепляли салфетку за воротник. Стараясь не привлекать к себе внимания, он аккуратным движением поднял свою с колен и последовал примеру остальных.

– И не нужно благодарностей, – прошептала Леони.

Кабал тихонько рыкнул и проигнорировал ее замечание. Мысленно он отвесил себе пинок – он ведь узнал об этом правиле этикета, пока был в Кренце, еще до того, как попытался ограбить библиотеку, а в итоге оказался в собачьих слюнях и испытал разочарование. Он позволил себе разнервничаться и совсем о нем забыл. Иоганн Кабал терпеть не мог терять самообладание. Это было так по-... человечески.

На первое подали суп. Миркарвианцы вполне предсказуемо склонялись в сторону мужской еды, а не каких-то там жиденьких бульончиков. Мисс Бэрроу опустила ложку в тарелку, но не смогла найти в себе силы поднести ее ко рту, потому как содержимое вызывало рвотные позывы разной степени тяжести.

– Что это за гадость? – спросила она Кабала. – Бычий хвост?

– Не уверен. – Кабал осторожно принялся. Похоже, одними бычьими хвостами не обошлось. – Возможно, вареная бычья кровь. – Он поводит ложкой в тарелке, перемешивая содержимое. – С гренками.

Следующее блюдо оказалось более съедобным – припущенная рыба. Кабал воспользовался возможностью и решил изучить остальных пассажиров. «Капитанский» стол представлял собой конструкцию, состоящую из всех столов, которые предварительно отвинтили от палубы, составили в форме приплюснутого овала и привинтили снова. Капитан Штен восседал в центре длинной стороны и, судя по его виду, в роли хозяина вечера чувствовал себя некомфортно. Кабал, сидящий справа от Леони Бэрроу, оказался почти напротив него. Он безо вся-

кого сочувствия наблюдал за тем, как капитан пытался изобразить заинтересованность, слушая бизнесмена, который сам всего добился, был безумно доволен собой и на все лады возвеличивал себя любимого, пока рассказывал о том, что шкварки Биркеллера – перекус будущего.

Справа от Кабала сидел мужчина под пятьдесят. Его лицо было настолько усталым, что создавалось впечатление, будто оно дважды или трижды перекуплено. Мужчина лихорадочно тыкал рыбу ножом – сложно было сказать, кто в сложившейся ситуации был несчастнее. Мужчина заметил, что Кабал наблюдает за ним.

– Припущенная, – сказал он с чувством огромного отвращения. – Черт возьми, почему припущенная? Я-то думал: «О, ну вот тебе и повезло, Алексей, старина. Рыба». – Он похлопал себя по животу. – Я жертва своих кишок. Нужно открыть институт, посвященный изучению моих внутренностей. Мемориальный институт имени Алексея Алоисия Кэкона.

– По традиции сперва требуется умереть, и только потом институт могут назвать в вашу честь, – заметил Кабал.

– Долго ждать не придется. Мои внутренности меня прикончат.

Кабал подумал, что им придется вернуться к самому началу.

– Если они отправят меня на тот свет, возможно, медики, изучив их, сумеют найти лекарство от моих болезней, и последующие поколения скажут: «Его жертва оказалась не напрасной».

Кабал внимательно разглядывал Кэкона, но не заметил никаких признаков иронии.

– Болезней?

– Именно так. Во множественном числе. – Кэкон снова ткнул рыбу. – Ей не помешало бы немного кляра. О, да. У меня целый перечень жалоб. Мой доктор просто в шоке, просто в шоке. Я говорю «доктор», но на деле прихожу к нему, а он отправляет меня домой, прописав взвесь магнезии, и велит ни о чем не беспокоиться. – Мужчина тяжело вздохнул и скривил губы, выражая отвращение к тому, как устроен мир. – Шарлатан.

Кабал удивился, чего за ним раньше не водилось. Никогда прежде ему не встречался человек, который бы настолько глубоко... заблуждался.

– У меня было впечатление, что припущенная рыба полезна для пищеварения.

– Ну да, – Кэкон принял усталый и в то же время надменный вид человека, который уже неоднократно высказывался против этого аргумента. – Они заставляют вас так думать, верно? – Никакого дальнейшего разъяснения, относительно того, кто же эти загадочные они, не последовало.

Женщина, сидящая рядом с Кэконом начала рассуждать о том, как прекрасно оказаться вдали от домашних проблем – у Кэкона на этот счет тоже имелось мнение. Кабал не слишком удивился, обнаружив, что в молодости Кэкон служил сержантом в гренадерском полку. Он все повторял «клик-щелк», изображая, как чеку выдергивают из гранаты, и отходит спусковой рычаг. Кабалу эта вера в себя показалась почти милой – он даже ощутил легкие позывы к сочувствию. Судя по всему, Кэкон обитал в своем собственном маленьком мирке, и когда тот сталкивался с реальностью, это всегда вызывало... разочарование.

Кабал огляделся в поисках того, на что бы отвлечься. Как и говорил стюард, мужчин оказалось больше, чем женщин, в соотношении два к одному. Он по часовой стрелке переводил взгляд с одного гостя на другого.

Слева от него сидела Леони Бэрроу – Кабал на несколько секунд задержал на ней взор – внешне он казался абсолютно спокойным, но внутри ворочалось раздражение. Затем двинулся дальше.

Слева от мисс Бэрроу расположился старый солдат – к такому гениальному заключению Кабал пришел на основании того, что мужчина выглядел далеко не молодо, а нагрудный карман его смокинга украшала лента с внушительным количеством медалей. Помогло еще и то, что капитан обратился к нему «Полковник Константин». Его смокинг был довольно старомодным,

с высоким воротником – теперь, во времена галстуков и неудачно подобранных запонок, такие встречались лишь на картинках в учебнике по военной истории. Манеры полковника также не отличались современностью: он был очень внимателен к дамам и холоден по отношению к джентльменам. Он неторопливо потягивал вино, снова и снова отмахивался от официанта, который почитал свою обязанность пополнять бокалы почти священной и с каждым разом огорчался все больше. Кабала порадовалось, что Константин не начал рассказывать про войну, и заинтриговало то, что он не упоминал нынешнее положение дел.

– Впервые летите, полковник? – спросил его капитан Штен.

– На аэросудне – да. Правда несколько раз мне доводилось летать на энтомоптере в качестве летчика-наблюдателя. – Он сделал неясный жест вилкой. – Но здесь куда уютнее, капитан. Отличный корабль.

– Вы летали на энтомоптере? – переспросила мисс Бэрроу. Константин обернулся к ней и в то же мгновение его выражение изменилось – он выключил профессионала, который обращается к профессионалу, и заговорил покровительственным тоном:

– Все верно, фройляйн, и можете мне верить, когда я говорю, что это судно куда более удобный способ передвижения. Несколько раз для разведывательных миссий мне приходилось подниматься в небо и обозревать территории – энтомоптер в таких ситуациях верное средство. Но я пехотинец до мозга костей – какое это было облегчение снова оказаться на твердой земле.

– Герр Майсснер в прошлом кавалерист, – сказала мисс Бэрроу.

Вилка замерла в воздухе – Кабал так и не донес ее до рта.

– Действительно? – Константин спокойно рассматривал его. Затем улыбнулся. – Вы бы обломали свои копыта о наши каре, сэра, позвольте вас заверить.

Кабал тоже улыбнулся – исключительно механически.

– Не сомневаюсь, полковник, – ответил он, не имея ни малейшего понятия, о чем тот.

Рядом с полковником сидел юнец с небрежно уложенными волосами – ну, как юнец, лет на пять младше Кабала. Однако Кабал так старался впихнуть в свой день гротескное количество обязанностей, дел, учебы – как теоретической, так и практической, – что у него, как у собаки, год шел за семь. На вопрос полковника этот юнец пробормотал что-то себе под нос, и Кабал разобрал, наконец, что зовут молодого человека Габриэль Зорук. Он то выглядел угрюмым, то вдруг ни с того ни с сего смотрел на всех с чувством высокого морального превосходства – все зависело от того, насколько он понимал шедшую за столом беседу. Кабалу он мгновенно не понравился: в нем чувствовался человек, который до сих пор является жертвой гормонов, в то время как его интеллект мельтешит где-то на заднем плане, словно смущенный родитель. Одет Зорук, судя по крою смокинга, был просто, но дорого; можно было спокойно предположить, что в какой-то момент он решил стать политическим активистом, несмотря на то, что ему явно чертовски не хватало знаний, компетенции и сообразительности. Похоже, прическа и ангельские глазки привлекли внимание к его персоне, а Зорук считал, что причина тому его политические воззрения. В чем сильно заблуждался, но такое случается сплошь и рядом среди миллионеров, считающих себя харизматичными.

Следом за Зоруком сидела фрау Роборовски – мужа ее разместили в другом месте, вероятно, в соответствии с этикетом, который требовал сажать людей вперемешку. Герр Роборовски оказался по правую руку от Кабала через два стула и, похоже, вовсе не наслаждался свободой и возможностью пообщаться с незнакомыми людьми. Возможно, причина крылась в собственнических взглядах, которые его супруга бросала, стоило только герру Роборовски выбраться из своей раковины. Из всех институтов, их брак больше всего тянул на тюрьму или психушку.

Капитану Штену удалось завести куда более интересный разговор с джентльменом, сидящим рядом. Мужчине было за шестьдесят, от его одежды тянуло нафталином, но глаза горели и вел он себя вполне оживленно.

– Прекрасное судно, капитан, – сказал он; кусок рыбы, незамеченный им, упал обратно на тарелку. – Замечательный корабль. Я какое-то время не работал в этой сфере, но всегда продолжал интересоваться.

– Вам не впервой путешествовать на аэросудне? – уточнил Штен, кладя себе добавку картошки.

– О да. – Мужчина снисходительно засмеялся, как человек, который вот-вот откроет тайну. – Я разрабатывал такие корабли.

– Seriously? Вы меня удивили, герр ДеГарр.

– О, прошу вас, месье ДеГарр, если вас не затруднит. Герр ДеГарр звучит почти как шарманка.

– Шарм-?

– Ужасная коробочка, которую англичане считают музыкальным инструментом. Да, я занимался строительством аэрокораблей, но вышел на пенсию – лет семь назад. Слыхали о судах класса «Боевой конь»? Моя разработка.

– «Боевой конь»? – неуверенно повторил Штен. – Но разве это был не военный корабль, месье?

– Да, – ДеГарр глотнул вина. – Построили три. «Буцефала»¹⁰ продали пять лет назад на металлолом, «Маренго»¹¹ сейчас в какой-то отдаленной крохотной республике в тропиках – составляет весь ее аэрофлот. Ну а сам «Боевой конь» попал в шторм в горах.

Несколько человек, прислушивавшихся к беседе, вдруг стали проявлять беспокойство – малопривлекательно слушать истории о кораблекрушениях, когда сам путешествуешь на судне.

– Я предупреждал их не использовать тот тип альтиметра, но вы же знаете военных подрядчиков – они на все готовы, лишь бы сэкономить пару франков. – ДеГарр покачал головой и снова подцепил кусок рыбы.

– Все три корабля были задействованы при подавлении восстания Дезоле, не так ли, месье? – отчетливый голос перекрыл остальной гомон. Все повернулись в сторону, откуда прозвучала фраза. Произнес ее Габриэль Зорук – темноволосый, идеально выбритый красавчик, который сам рыл себе яму. Кабал подумал и решил, что Зорук из тех, кто совершает неправильные поступки во имя благородных целей.

¹⁰ Кличка любимого коня Александра Македонского.

¹¹ Кличка лошади Наполеона, а также французский линейный корабль (1796 г.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.